

**ВИКТОРИЯ
ДЬЯКОВА**

СТРОЮЖЕТ

Это выглядело впечатляюще. Как в кино. Облачка серого дыма возникали среди густого подлеска. Наталья даже не сразу сообразила, что это минометный огонь. "Тигры" шли, рассыпавшись, будто сквозь него. Разрывов она не слышала. Во всяком случае, от волнения Наталье казалось, что она ничего не слышит. Никто не падал, и это выглядело странным. На деревню группа заходила охватом с флангов.
— Разбиться на три взвода! — наконец услышала она голос капитана Роджерса. — Док, сюда! За первым взводом!.. Передовая линия десантников приблизилась к дороге...

**"ТИГР"
ОХОТИТСЯ
НОЧЬЮ**

Остросюжет

Виктория Дьякова

«Тигр» охотится ночью

«ВЕЧЕ»

2012

Дьякова В. Б.

«Тигр» охотится ночью / В. Б. Дьякова — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Остросюжет)

ISBN 978-5-4444-0528-4

1960-е. Уже не первый год полыхает в Индокитае гражданская война – коммунистического Севера с капиталистическим Югом. Конечно, не обошлось без вмешательства двух могущественных империй – СССР и США. Разведывательно-диверсионная группа «Тигры» 101-й воздушно-десантной дивизии США получает почти невыполнимое задание: найти в непроходимых джунглях на границе Вьетнама и Лаоса тщательно замаскированный нефтепровод, по которому снабжаются топливом партизанские соединения на юге, воюющие против американцев. Этот поход в «зеленый ад» едва не закончился провалом, и лишь немногим «тиграм» удалось вернуться...

ISBN 978-5-4444-0528-4

© Дьякова В. Б., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

1	6
2	11
3	16
4	18
5	19
6	23
7	26
8	30
9	34
10	37
11	41
12	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виктория Дьякова

«Тигр» охотится ночью

© Дьякова В.Б., 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Гуков¹ выбили с высоты, когда уже начало темнеть. Густой трехъярусный тропический лес покрывал местность, на которой только что кипело сражение. Мокрые от дождя деревья возвышались до самых небес и были окутаны легким туманом.

– Много убитых? – Наталья повернулась к санинструктору Гэри Ломбертсу, подошедшему сзади.

– Хватает, док, – кисло скривился тот.

– Из каких частей?

– В основном из пятисот второго сто первой воздушно-десантной. Их больше всех потрепали...

– Ясно, – кивнула Наталья. – Раненые?

– Раненых немного, с десятков примерно. Тяжелых – шесть. Том сказал, что ночевать будем здесь, – передал Ломбертс приказ командира роты. – А утром, как рассветет, двинемся к посадочной зоне, вырубленной среди деревьев ниже по склону. Это порядка пятидесяти метров от вершины холма, но сейчас идти туда опасно.

– Я поняла. Раненых сейчас осмотрю. А всех погибших, Гэри, надо снести в одно место... Думаю, вон туда, – Наталья указала на два росших неподалеку молодых деревца. – И прикройте их плащ-палатками, чтобы не мокли.

– Да им теперь все равно...

– Выполняйте, – строго прервала она его возражения. – И поторопитесь: скоро совсем стемнеет.

– Есть, док.

Под ногами что-то зашуршало. Наталья опустила голову и замерла: из-под корней поваленного рядом дерева выскользнула небольшая зеленая змея и, скрутив тело кольцами, встала в стойку прямо напротив нее.

– Не шевелитесь, – прошептал санинструктор. – Может, сейчас уползет. Побеспокоили мы ее, видно...

– Ядовитая? – еле выдавила из себя Наталья, ощутив, что даже горло пересохло от страха. «Надо же, только что гуки вокруг палили, и – ничего, – мелькнула неожиданно смешливая мысль, – а тут всего лишь змея какая-то, однако я словно к земле приклеилась».

– Они тут все ядовитые, – все так же негромко ответил Гэри. – А это – бамбуковая гадюка. Один укус – и поминай, как звали. Проклятие!..

– Чего уставились?! Ломбертс, обделался, что ли?! – Вовремя подоспевший капитан Роджерс подхватил с травы брошенную кем-то лопату и быстрым движением разрубил змею пополам, вогнав лезвие орудия глубоко в землю. – Ты ждал, чтобы она дока укусила?! – вновь набросился он на санинструктора. – Сколько раз всем говорил: встретил змею – убивай немедленно! Иначе рано или поздно она подкараулит в другом месте.

– Благодарю, кэп. – Наталья оцепенело и неотрывно смотрела, как извивается и дергается разрубленное надвое змеиное тело, как пасть гадюки распахнулась в агонии, извергая брызги яда.

– Здесь водятся тридцать три вида змей, док, – приблизился к ней капитан Том Роджерс, – и тридцать один из них – смертельно ядовиты. Поэтому приходится проявлять некоторую предвзятость – бить всех без разбору.

– Да, да, я понимаю... – Наталья почувствовала, как по спине покатались струйки горячего пота.

---

¹ Гук (англ. Gook) – болван, деревенщина; пренебрежительное прозвище азиатоа в американском военном жаргоне.

Отбросив лопату, Роджерс поправил шляпу с тигровой нашивкой. Намокнув от дождя, эмблема сто первой дивизии ВДВ съезжилась, тогда как надписи над ней – «Сила Тигра» и «гесоп» (то есть «разведывательный»), – напротив, растянулись и неестественно скособочились.

– Идемте, док, – кэп крепко взял Наталью за локоть, – а то у меня там второго уоррента здорово покалечили – всю интимную сферу вдрызг разнесли. – Он криво усмехнулся: – Крови много потерял, пребывает в шоке и никому не дается. Может, хоть вам удастся его уgomонить.

– Да, да, идемте, конечно, – с трудом оторвав взор от издыхавшей гадюки, Наталья кивнула и поспешила за капитаном.

– Я слышал, мэм, вы из России? – спросил Роджерс, помогая ей перебраться через поваленную корягу. – Давно?

– Да уж пятнадцать лет как, – слабо улыбнулась она в ответ.

– Не жалеете?

– О чем? Что меня там не повесили? Или не поставили к стенке? – Наталья пожала плечами: – Кто ж о таком пожалует? Я ведь из так называемых «бывших». Классовый враг, словом.

– То есть просто выбора не было?

– В каком смысле?

– Ну, раз здесь оказались...

– А меня, кэп, никто сюда насильно не отправлял, я здесь по собственному желанию нахожусь. Параллельно, параллельно кладите! – крикнула она на ходу санитарам, переносящим тела погибших, и снова повернулась к Роджерсу, как бы в ожидании следующего вопроса.

– Не страшно? – Во взгляде покрасневших от усталости серых глаз капитана читался неподдельный интерес.

– Страшно, – призналась Наталья, опустив голову. – Но мне не привыкать. Я с юных лет на войне.

– В Европе воевали? – высказал он догадку.

– Да. От Сталинграда до самого Берлина дошла.

– А я воевал добровольцем в Арденнах, мэм...

Раненый уоррент лежал на земле. Подле него, пытаясь хоть чем-то помочь, суетились несколько солдат и два санинструктора. Парень был сплошь в крови, штаны напрочь разорваны. Два солдата держали его за руки. Один санинструктор, стоя на коленях у головы раненого, держал его за мочки ушей. Еще несколько солдат стояли в отдалении, настороженно оглядывая окрестности: обеспечивали таким образом прикрытие. На всякий случай.

– Ну что? Морфий ввели? – спросил капитан санинструктора.

– Нет, сэр, – хмуро отрапортовал тот. – Не дается...

– Ну, вот сейчас док вам поможет, – Роджерс кивнул на Наталью.

– Почему до сих пор не остановили кровь и не ввели лекарства?! – Наталья строго взглянула на санинструкторов.

– А вы попробуйте сами, док, – огрызнулся один из них.

– Не подходите, не подходите ко мне... Я хочу умереть... – беспрерывно шептал раненый. – Все равно мне теперь не жить...

– Прекратить истерику! – нарочито грубо прикрикнула на него Наталья, после чего присела рядом на корточки и склонилась над раной.

– Сейчас взбрыкнет, – обреченно вздохнул ближний санинструктор, – и вы, док, как пушинка улетите...

– Отставить разговоры! – резко оборвала Наталья болтуна.

К всеобщему удивлению, десантник действительно успокоился и теперь лежал неподвижно, лишь напряженно наблюдая за каждым движением доктора.

– Что же это вы, уоррент, не позволяете медикам оказать вам помощь? – перешла на нейтральный тон Наталья. – Совсем спятили? Это же форменный саботаж. Предательство, если хотите... Ведь ваше сопротивление врагам лишь на руку. Они же и хотят как можно больше наших солдат уничтожить, а вы им помогаете...

– Так чего ж зазря мучиться, док? – негромко ответил раненый, проглотив слюну и облизнув потрескавшиеся, пересохшие губы. – Все равно ведь мне конец. Не сегодня, так завтра...

– Какой еще конец? Опять что-то напридумывали? – В голосе женщины прозвучал упрек, смешанный с возмущением. – Вот если будете продолжать себя так вести, тогда точно конец наступит... – Она наклонилась ниже и приказала санинструктору: – Посветите мне! – После непродолжительной паузы мягко проговорила: – А я, кстати, ничего особо страшного и не вижу. Да, пах разворочен, но осколок, судя по всему, прошел по касательной, так что яички лишь слегка пострадали. Вы из-за этого переживаете? – Наталья бодро взглянула на парня. – Не беспокойтесь: в госпитале все ваше хозяйство пришьем на место, и оно срастется как миленькое! Если, конечно, ерундой не будете страдать да собственную психику надрывать.

– У него невеста в Массачусетсе, боится ей признаться, – поведал один из санинструкторов.

– Так, может, и признаваться-то ни в чем не придется, – улыбнулась Наталья. И, подмигнув раненому, спросила: – Ну так что: делаем уколы или продолжаем и дальше хныкать?

– Уговорили, док, – устало прикрыл тот глаза, – лечите...

– Принесите мне, чем можно руки обработать, – распорядилась Наталья, повернувшись к санинструктору, – я сама сделаю перевязку.

– Док, а правда, что у меня все заживет? – снова подал голос уоррент.

– Правда, – решительно заверила его женщина. И тотчас нахмурилась: – Если только заражения крови сейчас не получим из-за вашей глупой паники. Гэри, – обратилась она к помощнику, – срочно введите ему морфий.

– Есть, док.

– Свет опустите ниже. Вот так... – Аккуратно собрав ткани мошонки воедино, Наталья обернула их перевязочным материалом, наложила повязку и, отерев рукавом выступившую на лбу испарину, поднялась и распрямила затекшие плечи. – Всё. Теперь кладите его на носилки, – приказала она санинструкторам, – и несите в госпитальную палатку. Инъекции антибиотика – через каждые четыре часа, обезболивающего – через шесть. Заполните бирку, и завтра – первым рейсом в эвакуацию! Да, и давайте ему пить как можно чаще.

– Смотрите-ка, он улыбается! – удивленно воскликнул Ломбертс. – А ведь только что был белугой!

– Так, может, Боб, ты теперь и в Массачусетс не поедешь, а? – подмигнул раненому Роджерс. – С доком останешься? Тем более она все твои причиндалы уже видела. Да и врач к тому же, всё надежнее...

– Я подумаю, сэр, – в тон ему ответил тот.

– Погибшие перенесены? – слабо улыбнувшись в ответ на разговор мужчин, осведомилась Наталья у Ломбертса.

– Так точно, док.

– Идемте, я посмотрю.

Дождь лил все обильнее и пуще. Меж двух деревьев возвышался штабель из мертвых тел: в пять рядов высотой, в каждом ряду по десять трупов. От такого числа погибших у Натальи больно защемило сердце. Нет, привыкнуть к смерти невозможно, сколько с ней ни сталкивайся!..

Гэри машинально поправил концы брезента, прикрывавшего «штабель» от дождя.

– Нормально, – вздохнула Наталья. – Завтра их заберут.

– Вы промокли и замерзли, док, – вынырнул из дождевой завесы Роджерс. – Думаю, до утра погода не изменится. Приглашаю вас в мою палатку. У меня есть горячий шоколад.

– Благодарю.

Кап-кап-кап... Звук монотонно капающей жидкости перебивал шум дождя за тонкими стенками палатки.

– Это кровь. – Наталья взяла из рук Роджерса стаканчик с горячим шоколадом и присела на складной стул, обтянутый брезентом.

– Да, – кивнул он.

Кровь вытекала из ран еще не успевших окоченеть мертвых тел, просачивалась сквозь укрывавшие их плащ-палатки и скапливалась на пончо, подстеленное под «штабель». Сверху она капала на тех, кто находился ниже, и постепенно опускалась до земли, где, смешавшись с дождевой влагой, собиралась в лужицы, из которых вытекали небольшие ручейки, бежавшие сейчас мимо приподнятого полога палатки. Даже ночью было видно, что это ручейки именно крови. Дождь усиливался. Кровавые ручьи грозили превратиться со временем в поток.

– Надо бы поспать, док, – капитан присел на вещмешок рядом. – Денек сегодня выдался трудный, да и завтрашний вряд ли окажется легче...

– Я не смогу уснуть, – глухо проговорила Наталья, наблюдая, как на земле булькает и пенится кровь.

– Дома вас кто-нибудь ждет? – Блеснул огонек зажигалки, кэп закурил сигарету и протянул пачку «Кэмел» собеседнице.

– Нет, спасибо, – Наталья отрицательно мотнула головой, – я не курю. И дома никто не ждет, – призналась она после короткой паузы, криво усмехнувшись. – Кому нужно ждать такую женщину, как я? С опасной работой да тяжелым характером?..

– Могли бы найти работу попроще. – Он сунул пачку сигарет в карман.

– Не получилось. Да и не хотелось, если честно.

– Неужели у вас даже родных нет?

– Есть. Сестра. Но в отличие от меня она вернулась домой, в Россию. А других родственников у меня и впрямь нет. Родители умерли давно, еще до той войны. Я тогда была совсем маленькой.

– Я тоже один остался. – Роджерс затянулся сигаретой, опустил глаза. – С женой развелись недавно, три месяца лишь прошло. Загуляла она, пить крепко стала. И утром пьяная, и вечером лыка не вяжет... Детей у нас не было. Жена не хотела. Говорила: тебя убьют, как я с ними одна, мол? Все мечтала найти такого, чтобы всегда дома, при ней был. Теперь, может, и найдет, если не сопьется окончательно... А родители мои тоже умерли, когда я маленьким был. Бабушка вырастила. Но и она умерла пять лет назад. Рак. – Он наклонился, достал откуда-то флягу и две железные кружки, показал Наталье. – Бурбон, док?

– О'кей, – кивнула она.

Кэп плеснул в кружку коричневатую, слегка отдающую табаком жидкость, протянул ей. Потом налил себе.

– Не так, не так! – схватил он женщину за руку, увидев, что та вознамерилась выпить содержимое кружки одним залпом. – Это же бурбон! Его сперва в руках погреть надо как бренди, как коньяк, потом встряхнуть и лишь после этого пить маленькими глотками. Торопиться не нужно, док. Иначе просто напьешься и не получишь никакого удовольствия.

– А если медленно, то напьюсь с удовольствием? – скептически усмехнулась Наталья. Танцующий в печке красноватый огонек отражался в ее кружке, рябась на поверхности напитка.

– За то, чтобы остаться в живых, док! – стукнулся с ней своей кружкой Роджерс.

– За то, чтобы вы остались в живых, кэп, – поправила его Наталья. – Мне-то легче: я у вас бываю наездами, а вы постоянно здесь.

– Когда мне сказали, что вы к нам больше не приедете, я не поверил. – Роджерс сделал крохотный глоток бурбона. – Признаться, я ждал вас, док. Вы словно добрая весточка из другой жизни – мирной, спокойной. Той, что была раньше. Которой теперь, к сожалению, нет, и неизвестно, наступит ли она когда-нибудь снова.

– Я тоже хотела скорее вернуться сюда. – Наталья быстро взглянула на кэпа и отвернулась.

Перевитый двумя змеями черный жезл Меркурия с серой буквой «S» посередине, знак военной медицинской службы США, в свете тусклого огня казался на рукаве темно-зеленой униформы размыто-бордовым. Она, старший лейтенант Красной армии, переводчица генерала Шумилова, а ныне – капитан американского медицинского корпуса, оказалась в кишках змеями джунглей Индокитая и находится сейчас близ местечка Плейми, расположенного рядом с долиной Иадранг. Надо же, название какое мудреное! Почти как Секешвехервар. Подумать только: а ведь в сорок пятом... Впрочем, может, все к тому и шло?

– Правда, док? – Роджерс положил руку Наталье на плечо.

И она, почувствовав тепло его пальцев, замерла, боясь невзначай шевельнуться. Из согретой руками кружки с бурбоном исходил дивный аромат ванили, смешанный с тонким древесным запахом, который невольно напомнил Наталье хвойный бор вокруг дачи под Лугой, где прошло ее детство. Она закрыла глаза...

2

То утро в Париже было холодным и серым. Наталья не решилась явиться в Версаль без предупреждения, хотя и отчетливо помнила адрес, который назвала ей фрау Ким во время их короткой встречи в 1945 году на Балатоне. Поэтому для начала нашла нужный номер в телефонном справочнике и позвонила по нему. Не повезло: домоправительница Женевьева ответила, что мадам де Монморанси уже уехала в клинику.

– Что передать мадам? Как ваше имя? – допытывалась Женевьева в трубку.

– Благодарю, ничего передавать не нужно. – Наталья не отважилась спросить телефон клиники, резонно понадеявшись все на тот же справочник.

– Хорошо. До свидания. – Из телефонной трубки понеслись короткие гудки.

В гостиничном номере, выходящем окнами на Эйфелеву башню, Наталья снова зашестелела страницами, одновременно вращая телефонный диск. Найдя с третьей попытки то, что ей было нужно, она, набросив пальто, выскочила из номера и поспешила к метро.

Два коротких перегона под землей до площади Этуаль, и вот она – улица маршала Ланна! Мечта, доселе казавшаяся несбыточной, приблизилась вдруг настолько, что буквально захватило дух. То, о чем мечталось во время войны и долгие годы после нее, то, ради чего была оставлена Родина, неожиданно начало обретать осязаемые очертания. Всего десять минут ходьбы от метро, и вот Наталья уже стоит перед ажурной оградой клиники. Сейчас она снова увидит фрау Ким! Фрау Ким хотела, чтобы Наталья называла ее «мамой». Фрау Ким называла Наталью «дочкой». Фрау Ким была для Натальи едва ли не единственным в мире близким и родным человеком. Она выжила там, в Берлине, и от предвкушения скорой встречи с фрау Ким сердце захлебывалось от радости.

Наталья шагнула в вестибюль клиники, едва дежурная медсестра успела распахнуть перед ней широкие стеклянные двери. Быстро прошла к регистрационной стойке. Юная мадемуазель в белоснежной шапочке с эмблемой клиники, кокетливо приколотой к пышным каштановым волосам чуть наискось, посмотрела на раннюю посетительницу с плохо скрытым изумлением: та показалась ей бедно и старомодно одетой, бледной и чересчур взволнованной.

– Доброе утро. Чем могу служить, мадам? – тем не менее вежливо осведомилась она у несколько странной, на ее взгляд, визитерши.

– Я хотела бы видеть мадам де Монморанси, – облизнув пересохшие от волнения губы, негромко, но твердо произнесла Наталья.

Тщательно выщипанные, точно выписанные искусным мастером коричневые брови медицинской сестры медленно вползли на лоб, в ясных голубых глазах отразилось недоумение.

– Мадам де Монморанси? – недоверчиво переспросила она. – Но это, увы, невозможно! – В груди у Натальи похолодело: неужели ошиблась? А медсестра между тем продолжила: – Мадам де Монморанси больше не принимает пациентов. – («Она приняла меня за больную», – мысленно улыбнулась Наталья, испытав радостное облегчение.) – Но в нашей клинике есть много других врачей-специалистов! Вы можете записаться к любому, и вас обязательно примут. А мадам де Монморанси занимается теперь научной и общественной деятельностью и лично оперирует только в самых крайних случаях...

«Еще немного, и она спросит меня, на что я жалуюсь», – мелькнула у Натальи мысль, и она прервала монолог медсестры:

– Я здорова, и с мадам де Монморанси мне необходимо встретиться по личному вопросу. Я звонила ей домой, но мне сказали, что она уже выехала в клинику. Как мне пройти к ней? Или вы сами доложите о моем визите?..

– Я бы с удовольствием проводила вас к мадам де Монморанси, – медсестра смущенно поправила шапочку, – но она еще не приехала. И хотя всегда появляется ровно в десять,

сегодня почему-то задерживается. Возможно, внеплановые визиты по пути на работу. Подождите здесь, – девушка указала Наталье на кожаный белый диван у окна, – думаю, мадам скоро приедет. Если бы ей предстояло задержаться где-то надолго, она непременно предупредила бы.

– Благодарю.

Расстегнув пальто, Наталья отошла от регистрационной стойки и присела на краешек дивана. Заметив, что медсестра рассматривает ее из-за стекла с явным любопытством, грустно подумала: «Ну да, чего ж не попялиться на сирую и убогую? Я ведь, чай, не по парижской моде одета: все тряпки в Питере на Невском куплены. В чем из дома ушла, когда машина НКВД подкатила, в том сюда и приехала...»

По серому мраморному полу гулко распространился стук каблучков. Это к стойке прошествовала еще одна медсестра – в идеально отглаженной белоснежной униформе и с папкой документов в холеных руках. Проходя мимо Натальи, она бросила на нее надменно-любопытный взгляд, а потом вполголоса заговорила о чем-то с «регистраторшей».

До Натальи донеслись приглушенные обрывки фраз:

– ...ждет мадам де Монморанси... странная она какая-то...

– ...так сюда и обращаются в основном странные... а то и вовсе сумасшедшие...

Снова застучали каблучки: сменив принесенные документы на те, что вручила ей юная мадемаузель за стойкой, вторая медсестра бодро поднялась по лестнице на второй этаж. Наступила относительная тишина: наверху слышались невнятные голоса, но вниз никто больше не спускался.

Часы в холле клиники пробили половину одиннадцатого утра. Едва бой стих, с улицы послышался шум тормозящей машины, и Наталья посмотрела в окно: на территорию клиники въехал красный «пежо». Медсестра за стойкой тотчас вытянулась в струнку, но даже и без этой ее реакции Наталья догадалась: прибыла фрау Ким. Или – мадам де Монморанси, как ее теперь называют.

Подъехав прямо к крыльцу, автомобиль остановился. Из боковой комнаты вестибюля клиники тотчас выскочил служащий и, стремглав спустившись по ступеням вниз, предупредительно распахнул нужную дверцу. Наталья, поднявшись с дивана, подошла к стеклянным входным дверям. Сердце замерло...

Из машины вышла женщина в черном норковом манто. Темно-каштановые волосы собраны в узел на затылке. Добро улыбнувшись, она поздоровалась со служащим.

Наталья прижала руки к стеклу, словно хотела уцепиться за него, чтобы не упасть, не потерять сознание. Ибо волна разномастных чувств – радости, отчаяния от всего уже пережитого и, как ни странно, невольного страха перед будущим – захлестнула ее с головой. По щекам покатались непослушные слезы. Наталья попыталась улыбнуться, но губы тоже не слушались – лишь нервно подергивались.

Меж тем Маренн в сопровождении служащего уже поднялась по ступеням, и Наталья сделала шаг назад, отступив в призрачную тень дверного простенка. Она растерянно прижала руки к груди, не зная, какое слово ей произнести первым.

Служащий распахнул дверь, и Маренн вошла внутрь клиники.

– Доброе утро, Кладин, – приветливо поздоровалась она с дежурной медсестрой. – Как обстоят у нас дела?

...На мгновение Наталья перенеслась в холодную промозглую ночь, когда во время сражения на Балатоне вбежала в крестьянскую избу, где находились немецкий штандартенфюрер и его солдаты, и услышала возглас фрау Ким: «Это моя дочка, не трогайте ее!».

Надо же, голос фрау Ким ничуть не изменился. Наталья часто слышала его даже во сне. Только вот не надеялась услышать еще хотя бы раз в жизни...

– Всё в порядке, мадам, доброе утро, – ответила медсестра. – Только...

– Что? – Маренн задержалась у стойки.

– Вот эта... дама, – медсестра повела подбородком в сторону Натальи, – говорит, что ждет вас по личному вопросу.

– По личному?! – Маренн обернулась.

На Наталью взглянули зеленоватые глаза женщины с обожженной фотографии, которую июльской ночью сорок третьего года она забрала у мертвого немецкого танкиста, ее сына. За минувшие почти десять лет эти глаза нисколько не изменились. Наталья вздрогнула и закрыла ладонями лицо. Она знала, что Маренн тоже узнает ее. Не может не узнать. Но она продолжала недвижно стоять на фоне широкого окна, за которым шел мелкий мокрый снег, не отнимая ладоней от лица. Боялась поднять голову и снова взглянуть в эти родные до боли глаза. Боялась не выдержать и расплакаться, хотя слезы и помимо ее воли уже катились градом. Просто Наталья не замечала их.

– Натали... ты?! – негромко спросила Маренн дрогнувшим голосом.

– Здравствуйте, мадам... фрау... – Наталья запнулась, не зная, как правильно назвать стоявшую перед ней женщину. – Да, я приехала. Я наконец-то нашла вас.

– Натали, Натали... – Маренн быстро подошла к ней и, не обращая внимания на сестру за стойкой, обняла, крепко прижав к себе. – Неужели это ты? Я так часто о тебе думала! – Наталья разрыдалась, уткнувшись лицом в теплый, мягкий мех шубы. – Идем, идем со мной, успокойся, дорогая! – Маренн чуть отстранила ее, достала платок и заботливо вытерла слезы с лица, но Наталья увидела, что у нее самой тоже дрожат веки. – Идем в мой кабинет...

Маренн взяла Натали за руку, и они, поднявшись по лестнице, пошли по длинному коридору. Навстречу из палат и кабинетов то и дело выходили врачи и медсестры. Маренн дружески всем кивала, но вежливо отказывала каждому, кто пытался ее остановить: «Прошу, господа, не сейчас. Чуть позже, пожалуйста».

– Входи, – она раскрыла перед Натальей двери приемной.

Из-за стола тотчас поднялась девушка-секретарь:

– Доброе утро, мадам. Звонили...

– Благодарю, Ивонн, но к делам я приступлю чуть позже. А сейчас принесите нам, пожалуйста, кофе и что-нибудь перекусить, – попросила Маренн. – И ни с кем меня пока не соединяйте. Считайте, что меня нет. Ни для кого.

Маренн провела Наталью в свой кабинет. Скинув мантию, помогла снять пальто и гостье, потом усадила ее в кресло, ласково обняв за плечи.

– Успокойся, Натали. – Наклонившись, она поцеловала Наталью в лоб. – Теперь мы снова вместе, и все наладится. Где ты остановилась?

– В отеле «Лорд», что у Эйфелевой башни.

– Я знаю, где это.

– Господи! – Наталья прижалась лбом к руке Маренн. – Я думала, мы никогда уже не увидимся! Всякий раз, вспоминая то наше прощание на Балатоне, я ругала себя, что не поехала с вами. Потом я долго боялась даже думать, что могло случиться с вами и Джилл, когда наши вошли в Берлин! Поэтому как только мы оказались в Берлине, я сразу подумала о вас и о Джилл. Сначала ждала, когда дойдем до центра, но потом не утерпела: взяла нашего старика Полянкина... Помните его? – Маренн кивнула. – ...Митьку-связиста, еще двух солдат, и вместе мы побежали в Шарите. Я всю дорогу думала: мало ли, вдруг вам помощь нужна? Иванов кричал, спрашивал, куда мы направляемся, но я ему не отвечала. В итоге свою часть мы обогнали, к каким-то другим нашим прибились. Там, правда, нас тоже все по матери посылали: куда, мол, лезете, не ваше тут место! Но до Шарите мы все-таки добрались. Я вбежала и обомлела: наши там уже! Я чуть сознание не потеряла. – Наталья всхлипнула, вспомнив пережитое. – Потом один переводчик, который больных Красному Кресту передавал, сказал мне, что была здесь какая-то немецкая докторша, красивая такая, но ночью она куда-то исчезла, ушла к своим, видимо. Я поняла, что вы живы, мне стало чуть легче, и вместе с солдатами я

отправилась к вам в Грюневальд. Надеюсь, что вы там спрятались, и хотела помочь выбраться из города. Правда, и сама не знала – как. Просто думала, что дед Харламыч, увидев вас, все поймет и никому не выдаст. А если потребуются, совет что-нибудь. Он умеет... И я помнила, как на Балатоне вы мне сказали: Грюневальд, 59. Пришли мы по этому адресу, а там – полный разгром. Все стены наружу выворочены – явно тоже наши уже побывали. И вокруг – никого. Пусто. Я долго по руинам ваших комнат бродила, все представляла, как вы там жили... И как бы мы все вместе могли там жить... Я помню, как штандартенфюрер Йохен сказал мне тогда, при прощании: мы все вас там ждать будем, фрейляйн... Кстати, он жив, Йохен?

– Жив, насколько я знаю. – Маренн отвернулась к окну. – Пока жив. Просто он сейчас в плену, и удастся ли ему выйти на свободу – большой вопрос.

– Я понимаю, – горько вздохнула Наталья. Потом раскрыла сумочку. – Фрау Ким, – она все-таки решила назвать немку так, как называла во время войны, – там, в Грюневальде, вся зеленая обивка в вашей спальне была срезана, вся мебель разбита... Но на полу я нашла фото Штефана... – Натали протянула собеседнице фотографию в рамке. – Я сразу узнала его. И забрала фото с собой. Стекло, правда, потрескалось, но я не стала менять – сохранила как память. И теперь привезла, чтобы отдать вам... Хотя и сомневалась, что встречу с вами хоть когда-нибудь...

– Но встретились же! – Маренн ласково провела рукой по волосам гостьи. – Пусть не в Грюневальде, а во Франции, но все-таки встретились. И я очень рада этому. – Она взяла фотографию, взглядела в изображение под разбитым стеклом и тихо произнесла: – Да, это фото Штефана. Оно стояло у меня в спальне на комод. – Скулы на лице женщины предательски дрогнули. Видно было, что Маренн всеми силами старается сдержать чувства. – Я уж и не мечтала, что когда-нибудь снова буду держать этот портрет в руках. Спасибо тебе, девочка моя! – Она порывисто смахнула все-таки выступившие на глазах слезы и прижала голову Натальи к своему плечу. – У меня ведь не осталось ни одной его «взрослой» фотографии, только детские. Те, что удалось сохранить здесь, в Версале, нашей домоправительнице Женевиэве. – Женщина крепко прижала фотографию к груди. – Кстати, Натали, тот верный человек, о котором я говорила тебе на Балатоне, находится здесь на награждении вместе со всем экипажем. Если помнишь, в сорок втором, недалеко от Харькова... Ах, я уже и забыла, как называлось то местечко...

– Он говорил – Балаклея, – напомнила Наталья.

– Да, да, точно, – взволнованно кивнула Маренн. – Очень трудное название...

Дверь открылась, и Маренн положила фотографию на свой рабочий стол. Вошедшая в кабинет девушка-секретарь молча поставила на столик у растопленного камина горячий кофе в маленьких черных чашках и легкий завтрак – тонко нарезанный сыр, конфитюр, сливки. Опустошив поднос, так же молча направилась к выходу.

– Благодарю, Ивонн, – сказала ей вслед Маренн и, взяв Наталью под руку, подвела к столику. – Садись, – указала она на кресло рядом с камином. – Тебе обязательно надо поесть, подкрепиться. Силы еще потребуются.

– Вы говорите точно так же, как тогда на Балатоне, – улыбнулась Наталья.

– Я рада, что ты все помнишь. – Маренн расположилась напротив. – Признаться, я очень надеюсь, Натали, что твоя жизнь в России все же наладится. Ты приехала сюда одна? Я помню, ты рассказывала мне о сестре. Она жива? Она тоже здесь, в Париже?

– Да, Лиза жива, слава богу, – кивнула Наталья. – Мы бежали все вместе: я, Лиза и наша гувернантка-француженка, жившая в России с дореволюционных времен. Просто они обе остались в Лионе, у родственников Франциски. Лиза не захотела поехать со мной в Париж. Мне кажется, у нее какие-то другие планы, – вздохнула она. – Впрочем, я ведь, кажется, уже говорила вам, что мы с сестрой давно отделились друг от друга. Живем как чужие люди...

– Да, да, я помню, – сочувственно покачала головой Маренн. – Однако давай не будем о грустном... Лучше я попрошу сейчас шофера отвезти тебя ко мне домой, в Версаль. А Ивонн позвонит в «Лорд» и отменит твой заказ. У тебя в номере остались какие-нибудь вещи?

– Нет, фрау Ким, все мои вещи при мне.

– Ну и отлично. Прости, я пока не смогу поехать с тобой: мне надо хоть немного побыть в клинике. Но я позвоню Женевьеве, и она непременно встретит тебя и поможет разместиться. До моего возвращения ты успеешь и отдохнуть, и даже выспаться. А вечером приедет Джилл, и я познакомлю вас. Думаю, вы подружитесь.

– А вдруг мое присутствие в вашем доме не понравится мадемуазель Джилл? – забеспокоилась Наталья. – Может, мне все же лучше остаться в отеле?

– Выбрось эти глупости из головы, дорогая. – Маренн успокаивающе погладила Наталью по руке. – Джилл редко противится моим решениям. Мы с ней живем почти в полном согласии. Правда, живем вдвоем, увы. Наши мужчины или убиты, или находятся очень далеко от нас. Так что перестань волноваться, все будет хорошо.

– Вы так же говорили и на Балатоне...

– Я рада, что могу сказать тебе это снова.

3

– Мама, я ничего не поняла! – Джилл ворвалась в кабинет Маренн, на ходу стягивая с себя манто. – Я даже не смогла усидеть в министерстве: еле дождалась обеденного перерыва и сразу помчалась к тебе!

– Позвольте, я повешу ваше манто на вешалку, мадемуазель, – предложила свои услуги вошедшая следом секретарша.

– Да, да, конечно, благодарю. – Джилл тряхнула пышными, чуть подернутыми сединой волосами.

– Я перезвоню вам чуть позже, месье Каброль. Да, и обязательно ознакомлюсь с вашим заключением. Всего доброго. – Маренн положила телефонную трубку. – Чем ты так взволнована, Джилл? – Она внимательно посмотрела на дочь.

– Твоим звонком, мама! – выпалила Джилл, дождавшись ухода девушки-секретаря и плюхнувшись в кресло напротив матери. – Насчет женщины, посетившей тебя сегодня. Признаться, я ничего не поняла из телефонного разговора с тобой. Кто она, эта женщина?! Почему ты назвала ее женой Штефана? У него же не было жены!

– Однако в случае с Натали, я думаю, не будет преувеличением назвать ее именно женой Штефана. – Маренн вздохнула, достала сигарету, чиркнула зажигалкой, закурила.

– Но откуда она взялась? Да вдобавок еще русская, как ты сказала. Это же просто бред какой-то!

– Да, она русская, – кивнула Маренн, – но не большевичка. К тому же Натали действительно любила Штефана, и он любил ее.

– Не может быть, – упрямо возразила Джилл и тоже взяла сигарету. Маренн наклонилась вперед, позволив ей прикурить от своей зажигалки. – Ведь ни ты, ни я ничего не знали об этом! Если бы в жизни Штефана действительно произошло столь важное событие, если бы он и впрямь встретил женщину, с которой решил соединить свою судьбу, разве он стал бы скрывать это от нас? Нет, мама, я уверена, что к тебе приходила какая-то самозванка. Или сумасшедшая.

– Штефан просто не успел сообщить нам об этом, – мягко поправила дочь Маренн. – Он встретил Натали летом сорок второго, а уже через год его... не стало. И за это время, если помнишь, он ни разу не приезжал в Берлин. А в письмах, посуди сама, он просто не мог написать о подобном...

– Но... как эта женщина нашла тебя? – Джилл пристально взглянула на мать. – Или ты все же была знакома с ней раньше?

– Да, – кивнула Маренн, – во время войны наши пути с Натали пересекались, причем дважды: под Кёнигсбергом и на Балатоне. После отступления красных из Сталинграда ее призвали в армию, она служила переводчицей. И, кстати, это именно благодаря Натали нам с Ральфом удалось вырваться из русского тыла под Кёнигсбергом. А спустя год уже мне довелось помочь и самой Натали, и раненым солдатам, оказавшимся вместе с ней в окружении. Так что никакая она не самозванка и тем более не сумасшедшая. Вот, посмотри, – мать протянула дочери рамку с фотографией Штефана под разбитым стеклом. – Узнаешь?

– О боже! – взяв фотографию, Джилл прижала ее к губам. – Это же... это же наш... – Голос ее дрогнул.

– Да, это фото из нашего дома в Грюневальде. Натали побывала там уже после того как мы с тобой покинули Берлин. Когда-то, еще на Балатоне, я сообщила ей наш домашний адрес, вот она и поспешила туда, чтобы в случае необходимости оказать нам помощь... Помнишь, сколько раз мы гадали с тобой, какая участь постигла Грюневальд?

– Все разграблено? – тихо спросила Джилл.

– Да. Когда Натали прибыла туда, там все было разграблено, разбито, изодрано... Ничего удивительного: победители обеспечивали себя трофеями. А фотография Штефана валялась на полу, и Натали взяла ее. Теперь подумай, как она, будучи офицером Красной армии, при этом рисковала! Малейшая оплошность, и портрет Штефана мог стоить ей жизни. Тем более что она и без того была «на заметке» у НКВД. Вот и посуди: взяла бы Натали это фото, если бы Штефан ничего для нее не значил? К тому же только она знает, где он похоронен. Поскольку похоронила его собственными руками...

– Где-то под Белгородом? – Джилл подняла голову, в ее глазах стояли слезы.

– Да, под Белгородом. В ночь на тринадцатое июля сорок третьего года...

– Я хочу познакомиться с ней! – порывисто воскликнула Джилл, не сводя глаз с фотографии Штефана.

– Мы сейчас вместе поедем домой, Джилл. Натали уже там. Я предложила ей немного погостить у нас.

– Разве она не останется у нас жить? – Джилл недоуменно взглянула на мать.

– Натали поселилась пока в одном из местных отелей, но я тоже хочу, чтобы она жила с нами. Просто я не могла принять такое решение без тебя. Тем не менее считаю, что мы должны позволить ей жить в комнате Штефана. Даже если Натали не захочет стеснять нас и в будущем станет снимать отдельное жилье – а судя по ее характеру, так, думаю, и произойдет, – с нашей стороны было бы справедливо предложить ей навещать нас как можно чаще. Как ты считаешь?

– Я нисколько не возражаю, мама! – Джилл пожала плечами. – Только не понимаю, зачем ей снимать жилье? Разве у нас мало места?

– Мы непременно поговорим с Натали об этом. И еще я почему-то уверена, что когда вы познакомитесь ближе, то обязательно подружитесь. Натали прекрасно говорит и по-французски, и по-немецки. Так что у тебя будет еще одна подруга, Джилл, – Маренн ласково коснулась пальцами руки дочери. – Причем, заметь, настоящая подруга! Ведь с Анной ты не можешь поделиться всем, что тебя волнует, не так ли? Например, не можешь поговорить о Ральфе. Ты ведь здесь ни с кем не можешь поговорить о нем, только со мной.

– Да, это так, – вздохнула Джилл.

– А вот с Натали – сможешь. Она тебя поймет. И когда я уйду... навсегда, из этой жизни... ты не останешься совсем одинокой.

– Что ты такое говоришь, мама?! – Джилл бросила на мать испуганный взгляд.

– Но ведь когда-нибудь это все равно случится, дочка, – грустно улыбнулась в ответ Маренн. – Впрочем, нам пора ехать домой: Натали, наверное, уже заждалась нас.

– Я всегда на твоей стороне, мама, ты же знаешь. Так что не волнуйся: если эта девушка всерьез любила Штефана и до сих пор помнит его и если ты хочешь, чтобы она жила с нами, я приму ее с радостью. Даже не сомневайся!

– Спасибо, моя дорогая, – Маренн ласково коснулась пальцем кончика носа дочери. – Я всегда знала, что мы отлично ладим друг с другом.

– Мы любим друг друга, мама!

– Безусловно.

4

– Устала, док? – Шероховатый палец Роджерса коснулся щеки Натальи. – Ложись, поспи, время еще есть. Я специально притащил сюда раскладушку. Спальные мешки опасны: в них часто заползают змеи, чтобы погреться. У меня уже двоих покусали.

– Насмерть?

– Разумеется. Ведь те противоядия, что нам выдали, помогают от укусов этих зеленых змеек как подсолнечное масло от раковой опухоли. В общем, на раскладушке безопаснее, но на всякий случай проверю. – Кэп подошел к лежанке, перевернул мешковину, взбил плоскую походную подушку. – Ложись. Не бойся. Приставать не буду. Покараулю.

– В прошлый раз тоже говорил, что не будешь, – слабо улыбнулась Наталья.

– Ты красивая, – он посмотрел ей прямо в глаза, – удержаться трудно. Но если не хочешь, не буду. Вспоминала хоть?

– Вспоминала. Иначе не вернулась бы. Выбрала бы другое место, куда податься.

– Ложись... – Роджерс притянул ее к себе, и она почувствовала терпкий аромат одеколona, смешанный с запахом влажной кожи и давно толком не просыхавшего обмундирования. – Проверено, змей нет.

– Бр-р-р! – Наталья дернула плечом, но без всякого кокетства. Дождь все так же печально стучал по брезенту, кровавые ручьи пенились, затекая уже в палатку. – К этому нельзя привыкнуть. Я видела в Плейми, как один крестьянин, которого укусила змея, просто сел на землю и умер, не издав ни звука. А все остальные продолжали работать как ни в чем не бывало. Никто даже не пошевелился, чтобы ему помочь.

– Просто они знали, что это бесполезно. И он сам знал, что умрет. Опасная работа, док. Помнишь?

– Помню, кэп.

– Том.

– Или кэп?..

Он поцеловал ее в висок.

– Том...

5

– Ты была прямо под огнем? Там?! – Джилл смотрела на новую знакомую широко распахнутыми от потрясения голубыми глазами.

– Да, я была под Сталинградом, – подтвердила Натали, не отведя взгляда. – Когда дивизия Штефана выдвинулась на передний край, пришли каратели. Мне и еще нескольким девочкам удалось убежать и прибиться к попавшей в окружение нашей части. С нею и прорвались к Волге. Там я сначала работала в госпитале, который располагался под землей, в канализационном канале, а потом, когда выяснилось, что я хорошо знаю немецкий, меня определили в переводчицы.

– Я тоже, когда мы жили в Берлине, работала переводчицей. Но лишь в апреле сорок пятого узнала, что такое война. Однажды во время бомбежки на меня упала балка, – Джилл откинула седую прядь, обнажив небольшую вмятину на левом виске, – и я потеряла память. Очень долго вообще ничего не могла вспомнить. А теперь постепенно, день за днем, вспоминаю все пережитое, и мне становится страшно. Недавно вот вспомнила лицо и взгляд Ральфа перед тем, как он был раздавлен плитой...

Девушки переглянулись и, не сговариваясь, крепко обнялись и заплакали. Будучи примерно одного возраста, они поняли друг друга как никто, ибо пережили почти одинаковое горе. Сзади подошла Маренн, обняла обеих, прижала к себе. Сказала негромко:

– Теперь мы всегда будем вместе. Мы выжили, чтобы помнить. наших мужчин, которые ушли. Штефан и Ральф погибли, недавно умер Вальтер... Но раз мы остались живы, то должны продолжать жить. И помнить. Каждая – о своем...

– Нас не трое, мама, – напомнила Джилл, улыбнувшись сквозь слезы, – есть еще Клаус и Айстофель. – И обратилась к Натали: – Клаус скоро приедет из школы и обязательно присоединится к нам. А когда Айстофель изволит проснуться, то и он представится.

– С Айстофелем я уже знакома, – улыбнулась в ответ Наталья.

...Когда такси доставило ее в Версаль, к большому как дворец старинному дому, ворота немедленно распахнулись. Мягко шурша шинами по мокрому от выпавшего снега гравию, авто проследовало по главной аллее и остановилось перед широким мраморным крыльцом. Из высоких резных дверей тут же вышла домоправительница, следом выскочила серо-черная овчарка. Шофер распахнул дверцу. Наталья вышла из салона, с трудом преодолевая стеснение. Собака сразу подбежала к ней и принялась обнюхивать.

– Айстофель, на место! – приказала Женестьева по-немецки, и Наталья поняла, что собака – еще из той жизни хозяйки дома, когда ее называли фрау Ким Сэтерлэнд.

Пес наострил уши, внимательно осмотрел Наталью продолговатыми шоколадно-красными, похожими на волчьи глазами и, махнув хвостом, отошел, усевшись рядом с домоправительницей.

– Добрый день, мадемазуазель Натали! – Седовласая статная домоправительница в хорошо выглаженном накрахмаленном белом переднике, повязанном поверх строгого темного платья с такими же ослепительно-белыми манжетами и воротником, степенно спустилась по ступеням.

– Меня зовут Женестьева, – представилась она. – Мадам Мари позвонила из клиники и предупредила, что как только освободится, приедет вместе с мадемуазель Джилл. По распоряжению мадам я уже приготовила для вас ванну и постель. Вам необходимо отдохнуть. Идемте в дом. – Она сделала приглашающий жест, и Наталья робко последовала за ней. – Прошу сюда! – Войдя в просторный холл, домоправительница распахнула двери, ведущие в гостиную. – Не стесняйтесь.

Собака резво пробежала вперед, Наталья вошла следом. Оказавшись в зале, первым делом увидела широкий камин, в котором горел огонь. Над камином висел легендарный портрет Серта «Марианна Первой мировой», и Наталья, забыв на мгновение о Женеьеве, машинально к нему приблизилась и стала рассматривать. Разумеется, ей не требовались объяснения насчет этого портрета – он был ей хорошо знаком. Вдоволь насладившись искусством художника, Наталья опустила глаза и увидела на каминной полке несколько фотографий в рамках. На одной из них она сразу узнала Маренн, совсем еще юную. Рядом с ней стояли мальчик и девочка, почти однолетки, и Натали догадалась, что это – Штефан и Джилл. Видимо, снимок был сделан еще до отъезда Маренн с детьми в Берлин. «Никогда бы не смогла представить себе Штефана белокурым мальчуганом в шортах и спущенных гольфах, – подумала Наталья. – Таким, как на этой фотографии...»

– Он жил в этом доме? – тихо спросила она Женеьеву.

– Кто? – подошла та ближе.

– Штефан, сын мадам Маренн, – Наталья кивнула на фотографию.

– Да, жил, – подтвердила домоправительница. – Именно в том возрасте, в котором запечатлен на снимке. К сожалению, потом мадам с детьми уехала от нас, а во время войны... – Женеьева сделала паузу, – месье Штефан погиб. – И добавила со скорбью в голосе: – Мадам до сих пор очень переживает.

– Я знаю. Я знаю о нем все, – откликнулась Наталья, глядя на фотографию. – Вернее, мне казалось, что всё, а теперь вот выяснилось, что не всё...

– Давайте поднимемся наверх, – мягко предложила Женеьева, отвлекая гостью от грустной темы, – я покажу вам вашу комнату. Мадам сказала, что вы позавтракали с ней в клинике и не голодны, но если желаете – у меня все горячее.

– Нет, нет, спасибо, – благодарно улыбнулась Наталья и послушно двинулась за домоправительницей. – Вы мне только покажите, пожалуйста, комнату, где жил месье Штефан, – несмело попросила она. – Мне хотя бы одним глазком глянуть...

– Отчего же только глянуть? – с недоумением во взоре обернулась к ней Женеьева. – Я вас как раз и веду в бывшую комнату месье Штефана, ибо мадам распорядилась, чтобы вы остановились именно в ней. Если вам понравится, конечно. Если же нет...

– Ну что вы?! Мне обязательно понравится! – Наталья даже споткнулась от неожиданности. – Просто я и мечтать не могла о такой милости!..

– Раньше в комнате месье Штефана жил месье Клаус, – сообщила Женеьева, – но с некоторых пор он перебрался во флигель, поскольку оттуда ему ближе бегать к своим зверушкам. Наш месье Клаус развел в парке целый зоопарк, представляете?!

– Месье Клаус? – удивленно спросила Наталья.

– Это приемный сын мадам, сын ее умершего друга, – коротко пояснила Женеьева. – Остальное мадам сама вам расскажет, если сочтет нужным.

– Да, да, конечно...

– Вот, пожалуйста, прошу, входите. – Домоправительница остановилась перед украшенной золотой резьбой дверью в конце коридора. – Это бывшая детская. Между прочим, в ней провела свое детство и сама мадам, а позднее здесь же жил и месье Штефан. Напротив – комната мадемуазель Джилл. Она и сейчас в ней живет. – Женеьева раскрыла дверь, пропуская гостью вперед.

Наталья с замиранием сердца переступила порог и осмотрелась. Высокий расписной плафон, окаймленный лепкой. Обитые на австрийский манер гобеленами стены. Резные рамы в высоких стрельчатых оконных проемах. Мебель старинная, массивная, украшенная позолотой. На одной из стен в овальных рамках, как в медальонах, висят три больших портрета. Наталья подошла ближе: двое мужчин и женщина. Оба мужчины – совсем еще молодые офицеры

в мундирах начала века, а между ними – дама с царственными чертами лица в украшенном бриллиантами венце на голове.

– Это родители мадам, – поведала Женевьева, неслышно подойдя сзади и указав рукой на два крайних правых портрета. – Ее высочество эрцгерцогиня Австрийская и герцог де Монморанси. А на левом портрете – приемный отец мадам, маршал Фердинанд Фош. Он заменил мадам Мари семью, когда ее родители умерли. Впрочем, вы, наверное, уже знаете об этом. – Наталья кивнула. – А это – отец Штефана, лейтенант Мэгон, – женщина указала на большой фотографический портрет молодого мужчины, стоявший на комод. – Он был художником, умер в восемнадцатом году. В столовой вы сможете увидеть его картины. Правда, только копии, поскольку все оригиналы мадам подарила родине мужа, Англии, и теперь они вывешены в галерее Тейт. Творчество сэра Мэгона отличалось особенным, совершенно уникальным стилем, и чуть позже вы сами в том убедитесь.

– Лейтенант Мэгон, отец Штефана, – зачарованно повторила Наталья. – Надо же, как Штефан был похож на отца, – добавила она, проглотив подступивший к горлу ком. – Почти одно лицо, те же глаза...

– И почти та же судьба, – тихо добавила домоправительница. И продолжила еще тише: – Не знаю, насколько уместно с моей стороны задавать вам вопросы, мадемуазель, но мадам говорила мне, что вы... были знакомы с месье Штефаном?

– Да. И не просто знакомы, а очень близки, – быстро ответила Наталья, предупреждая лишние расспросы.

– А работы самого месье Штефана вы видели? – тотчас сменила тему домоправительница, явно слегка смутившись.

– К сожалению, только наброски, – грустно покачала головой Наталья. – Штефан говорил мне, что рисует, но во время войны какие могут быть художества?

– Тогда подойдите сюда, – Женевьева подвела ее к противоположной стене, – здесь сохранилось несколько его работ. Разумеется, это самые ранние работы месье Штефана, пробы пера, так сказать, но, поверьте, у него были прекрасные задатки, доставшиеся от отца. Думаю, останься месье Штефан жив, он стал бы известным мастером уровня самого Матисса. Вот, смотрите, мадемуазель, эта картина выполнена в стиле импрессионистов, называется «Нарциссы». А вот – «Триумфальная арка». Когда вы сравните работы сына и отца, то непременно заметите, сколь точно месье Штефан уловил отцовскую технику...

Наталья слушала Женевьеву и смотрела на картины Штефана, а перед глазами всплывала другая картина.

...Раскинувшись на траве на берегу реки, Штефан протягивает к ней руки, приглашая в свои объятия. Ворот мундира расстегнут, выгоревшие светлые волосы взлохмачены ветром, на загорелом лице сверкает белозубая улыбка, красиво очерченные брови чуть сомкнуты над переносицей. Помнится, в тот момент он показался ей небожителем, пришельцем из какой-то другой, прекрасной и яркой, но совершенно недоступной и непонятной ей жизни, которая манит и пугает одновременно...

Теперь вот выяснилось, что он выходец из той жизни, которая окружает сейчас ее саму. Разве могла она подумать тогда, летом сорок второго года, что когда-нибудь окажется здесь – в доме, где Штефан родился и вырос? Она ведь мечтала попасть в его берлинский дом, а попала – во французский. Но и здесь каждая вещь до сих пор помнит о нем: на этом ковре он играл, будучи ребенком, на этой кровати спал, эти стены слышали его детский смех...

«Сколько же лет прошло, Штефан? – Наталья даже не заметила, что по щекам давно уже катятся слезы. – Помню, я все стремилась, стремилась к тебе... А мне мешали то война, то Советы, то Сталин... А я все боролась, все шла вперед... И вот теперь стою в твоём родном доме, где сам ты последний раз был почти двадцать лет назад. И уже больше десяти лет тебя нет в живых. Но я все помню. И по-прежнему иду к тебе. Все тянусь и тянусь за тобой, наде-

ясь догнать, прикоснуться снова... И я до сих пор люблю тебя. И все еще о тебе тоскую. И даже сильнее, чем прежде... Здесь, в этом доме, мои любовь, боль и тоска стали еще острее, чем вдали от него. Как счастливо мы могли бы жить здесь с тобой, если бы ты остался жив! У тебя очень красивая и добрая мама, самая лучшая мама на свете. Сейчас я рассматриваю твои картины и вспоминаю, как легко, одним взмахом карандаша, точно играючи, ты писал мои портреты на обрывках старых советских газет. Да, ты все время что-то рисовал и всегда возил с собой целый альбом рисунков, а теперь домоправительница Женевьева, которая воспитывала тебя в детстве, рассказывает мне о твоей одаренности, о твоём уникальном стиле творчества. И мне почему-то кажется, что под сводами этого дома я слышу твои шаги, слышу твой голос, слышу, как ты приветствуешь меня... По-французски? Нет, мы никогда не говорили с тобой по-французски – только по-немецки. Отчетливо помню твой вечно распахнутый черный воротник с блестящими буквами “SS” и нашивками, твои большие, светлые, всегда чуть прищуренные глаза, унаследованные, оказывается, от отца. “Доброе утро, фрейляйн. Хорошо ли вам спалось?” – спрашиваешь ты меня. О, Штефан! Пока я даже не могу себе представить, как буду жить в твоей комнате, но я постараюсь, я очень постараюсь, чтобы мы никогда, никогда больше не расстались с тобой! Хотя бы в этом доме, в твоей комнате, в моем сердце...»

– Мне уйти, мадемуазель? – негромко осведомилась Женевьева, заметив, что гостья плачет. – Желаете побыть одна?

– Нет, нет, простите меня, – виновато улыбнулась Наталья и вытерла рукой слезы. Потом спросила: – А вы можете показать мне фотографии месье Штефана?

– Увы, – огорченно развела та руками. – Мадам Мари хранит их в ящике стола в своем кабинете, а ключ от кабинета имеется только у нее. Но я уверена, что когда мадам вернется с работы, она вам их непременно покажет.

– Благодарю, – понимающе кивнула Наталья.

– Вот здесь, – Женевьева открыла дверь в смежную комнату, – для вас уже приготовлена ванна. Там же найдете свежую смену белья.

– Спасибо, – в очередной раз поблагодарила Наталья домоправительницу и устало опустилась в кресло. – Я разберусь.

Айстофель лег рядом на ковер, пристроив морду между передними лапами и внимательно глядя на Наталью.

– Ты тоже знал месье Штефана? – спросила она его, с трудом заставив себя улыбнуться.

– Да, Айстофель знал месье Штефана, – ответила за собаку Женевьева, и Наталья поняла, что ее догадка оказалась верной: пес прибыл сюда вместе с Маренн и Джилл из Берлина. – Вы пока располагайтесь, а я, если желаете, принесу кофе.

Наталья согласно кивнула, и домоправительница направилась к двери. Однако у порога остановилась и с укоризной взглянула на собаку.

– Идем со мной, Айстофель, ты будешь мешать мадемуазель.

Пес и ухом не повел.

– Ничего, пусть останется. – Наталья наклонилась и погладила Айстофеля между ушами. Он поднял голову и признательно лизнул ей руку.

6

– Как мадемуазель Натали? – спросила Маренн у Женестьева, едва переступив порог дома. – Вы познакомились?

– Да, мадам, – кивнула экономка. – Очень милая девушка. Меня только одно смущает... – Она понизила голос: – Вы сказали, что наша гостья – подруга месье Штефана, но ведь она явно иностранка!

– Да, она русская, – подтвердила Маренн, передавая экономке манто.

– Я и сама до сих пор удивляюсь этому факту, Женестьева, – добавила Джилл.

– Тем не менее я прошу вас обеих ни о чем пока Натали не спрашивать, – объявила о своем желании Маренн, направляясь в гостиную. – И никому о ней ничего пока не говорить, особенно о ее... дружбе с месье Штефаном. Знаю, что моя просьба наверняка излишня, вы и так всё понимаете, но, как говорится, на всякий случай...

– Хорошо, мама, конечно.

– Да, мадам.

– Ты сейчас пойдешь к себе? – повернулась Маренн к Джилл.

– Да, мама, мне надо переодеться.

– Прикажете подавать обед?

– Да, думаю, пора, Женестьева. И не забудьте приплюсовать еще одну персону, – улыбнулась Маренн домоправительнице.

– Я помню, мадам. Кстати, я отнесла мадемуазель кофе, но она к нему так и не притронулась.

– Возможно, это и к лучшему. И еще, Женестьева, возьмите вот это, – Маренн достала из сумочки и протянула домоправительнице рамку с фотографией Штефана, которую ей передала в клинике Наталья. – Поменяйте стекло и поставьте на комод в моей спальне.

– Все будет исполнено, мадам. – Взяв фотографию, Женестьева несколько мгновений молча смотрела на нее, а потом тихо всхлипнула и вышла.

Мать с дочерью поднялись по лестнице на второй этаж. Джилл сразу прошла к себе, а Маренн остановилась у дверей бывшей комнаты Штефана и прислушалась: внутри царил тишина. Она постучала, но ответа не последовало. Тогда Маренн тихонько толкнула дверь, и та приоткрылась. Айстофель тотчас вскочил и приветственно замахал хвостом. «Тс-с!» – Маренн прижала палец к губам, и собака снова улеглась на ковер.

Наталья спала на диване, сжимая в руках рамку с детской фотографией Штефана. На столе, в золоченой чашке на подносе, стоял остывший кофе.

Маренн бесшумно приблизилась и осторожно присела на край дивана. Айстофель снова поднялся и подошел к ней. Женщина потрепала его по жесткой шерсти на загривке и, наклонившись к уху, шепнула: «Не шуми». Собака послушно уселась у ног хозяйки, с любопытством склонив голову набок.

«Ты его таким не знала, Натали, – грустно подумала Маренн, глядя на детскую фотографию Штефана. – Ты знала его только таким, каким он изображен на том фото, что ты вернула мне сегодня. Это я его помню разным: и ребенком, и подростком, и юношей... Ох, Штефан, сколько раз я представляла себе, как ты, приведя Натали в наш дом, спросил бы меня смущенно: “Как она тебе, мама?”. И я бы тебе обязательно ответила: “Она мне очень нравится, Штефан! Мы подружимся, не сомневайся”. Так оно и вышло: мы действительно с ней подружались. И теперь мы вместе, только тебя с нами, к сожалению, нет. Но знай, мы помним о тебе! И я, твоя мама, и Натали, твоя невеста».

Наталья всхлипнула во сне, и Маренн, чуть подавшись вперед, прикоснулась ладонью к ее щеке.

– Не бойся, моя девочка, я здесь, рядом.

Наталья действительно успокоилась и даже, как показалось Маренн, улыбнулась во сне. «Интересно, что ей снится? – подумала Маренн. – Впрочем, нетрудно догадаться: наверняка что-то, связанное со Штефаном».

Мадам не ошиблась: Наталье и в самом деле снился Штефан. Жаркое лето, ясный солнечный день у реки... Бросив черную пилотку в траву, он обнимал ее, и металлические буквы на воротнике мундира слегка охладили обнаженные плечи девушки. Потом, откинувшись на траве на спину, Штефан цитировал английского поэта, которого, как он сказал, любил его отец. Потом рассказывал о картинах, которые отец писал всю жизнь и которые считаются теперь национальным достоянием. Так они провели весь день. А рано утром пришел приказ о выступлении, и Штефан, прыгнув с сеновала, убежал к своей машине. Поцеловал на прощание, пообещал: «Я тебя найду». Но нашел не он, нашла его она. Спустя год после разлуки. На поле танковой битвы под Прохоровкой. Нашла то, что осталось от Штефана – обожженный труп, пепел... Пепел... Штефан...

Вздрогнув, Наталья испуганно открыла глаза.

– Успокойся, я рядом, – Маренн взяла руку девушки и с нежностью прижала к своей груди. – Все будет хорошо, моя дорогая. – Приподнявшись, Наталья обняла женщину за шею и тихо заплакала. Маренн взяла из ее рук фото сына и, вздохнув, положила его на подушку. – Идем обедать, – ласково предложила она. – Женестьева наверняка уже накрыла стол. Я познакомлю тебя с Джилл, мы приехали вместе с ней. Кстати, ты уже думала, Натальи, чем хотела бы заниматься здесь?

– Я вам говорила еще на Балатоне, что хочу, как и вы, стать доктором, – ответила Наталья, встав с дивана и подойдя к зеркалу, чтобы поправить волосы.

– Для этого надо учиться.

– Меня не пугают трудности. Я готова.

– Это хорошо, – улыбнулась Маренн. – Тем более что учиться никогда не поздно. К тому же в таком случае мне будет кому оставить свою клинику.

– Но я не знаю, с чего мне начать.

– Для начала надо поступить в Университет. Я помогу тебе подготовиться к экзаменам. А пока будешь работать у меня в клинике сестрой.

– Я не боюсь никакой работы! Даже самой трудной.

– Я знаю.

Взяв с диванной подушки фотографию Штефана, Наталья поставила ее на прежнее место и слегка дрогнувшим голосом негромко произнесла:

– Я буду помнить его всегда. И никогда больше не выйду замуж.

– Жизнь покажет, – мягко остановила ее Маренн. – Нам не суждено знать, что произойдет с нами завтра. Так что идем лучше обедать. Я слышала, Джилл уже спустилась вниз, а она очень хочет с тобой познакомиться.

– Я тоже хочу познакомиться с ней. Штефан часто рассказывал мне о Джилл.

– Наверное, о том, как они объедались пастилой в Чикаго? Или о том, как без моего разрешения убегали в зоопарк на соседней улице, чтобы поглазеть на фламинго?

– И об этом тоже, – улыбнулась Наталья.

– Они оба выросли с тех пор. Только Штефан останется теперь молодым навсегда... А Джилл долго болела после войны, но, по счастью, мне удалось ее вылечить. И лет ей сейчас уже больше, чем было Штефану, когда он погиб. Теперь она – старшая сестра... – Маренн смахнула слезу, выступившую на глазах. – Идем, Айстофель!

Лизнув ей руку, собака побежала вперед.

За обедом Наталья рассказала, как, чудом избежав ареста НКВД, сбежала с сестрой и гувернанткой из Ленинграда прямо по льду Финского залива, как потом они втроем нашли

приют у бывшей фрейлины русской императрицы и как чуть позже прибыли наконец во Францию, в Лион. Повела и о том, как, не поставив в известность ни сестру Лизу, ни бывшую гувернантку, заменившую когда-то им обеим мать, однажды утром она собралась и уехала из Лиона в Париж, чтобы найти фрау Ким...

7

– Док, подъем! – Капитан Роджерс тронул Наталью за плечо. – Выступаем!

Она нехотя открыла глаза. Перед мысленным взором все еще колыхались белые ромашки в руках Штефана, сорванные им на берегу реки, очень далекой от долины Иадранг...

– Что? – приподняла Наталья голову. – Утро? Гуки?

– Утро – да, а гуков пока нет, слава богу. – Роджерс наклонился и поцеловал ее в висок. – Вставай. Пора выдвигаться к посадочной зоне. Я уже отправил одно отделение вперед. Они пошли налегке, чтобы подготовить место для посадки вертолетов. Мы идем следом, отрываться надолго нельзя. Если вчера что-то было не так, прости...

– Что не так? – вяло улыбнулась Наталья. – Все так. Я же не ребенок. Где Ломбертс?

Опираясь на руку капитана, она опустила с лежанки одну ногу, и та тут же по щиколотку провалилась в сильно размокшую от дождя землю. Посмотрев вниз, Наталья в блеклом свете свечи увидела вокруг своей ноги бурую пену – за ночь земляной пол в палатке обильно пропитался кровью. По телу пробежал неприятный озноб.

– Гэри там, где ему и положено быть. – Роджерс помог Наталье подняться, земля отвратительно захлюпала под ногами. – Занимается ранеными. Двинемся как обычно периметром. Раненые – в центре.

– Поняла, кэп.

Вдвоем вышли из палатки. Небосвод уже посерел, предвещая скорый рассвет.

По приказу капитана группа солдат численностью примерно с взвод собралась в центре боевого периметра: им надлежало нести носилки с ранеными, которых санитары уже доставили из госпитальной палатки.

– Раненых, способных идти самостоятельно, – тоже в центр, – приказала Наталья Ломбертсу.

– Есть, мэм.

Сама же подошла к носилкам, начала осматривать раненых.

– Капельницу не снимать, – повернулась она к солдату, которому предстояло сопровождать носилки с тяжелораненым десантником. – Так и несите с капельницей. Держать строго вертикально. Пойдете последними. Смотрите под ноги. Если уроните или споткнетесь, в кровь может попасть воздух, и тогда случится тромб. Ясно?

– Да, мэм.

– Я пойду впереди группы. Гэри, вы – замыкающий. Следите, чтобы никто не отставал.

– Да, мэм.

– Дорога пойдет вниз, причем она довольно узкая. Так что всем соблюдать предельную осторожность, – объявил Роджерс.

То, что он назвал «дорогой», на деле оказалось проторенной лесной тропой, спускавшейся к подножию высоты вдоль лежавшего на земле длинного и огромного дерева. Макушка его была обращена вверх, к склону, а вырванные из земли корни вздымались массивным плотно переплетенным клубком, торча концами в разные стороны. Вывороченный вместе с корнями пласт земли образовывал некое подобие холма. Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Наталья, цепляясь за торчащие корни, вскарабкалась на этот холм и прыгнула с него на ствол поваленного дерева. Оказавшись на своеобразном возвышении, смогла разглядеть, что дерево под ней было очень большим и могучим. В том месте, где верхняя часть дерева исчезала в густых джунглях, диаметр ствола наверняка превышал полтора метра, а у самого основания его толщина достигала и всех трех. Ничего подобного Наталья прежде никогда не видела.

– Док, а ну вниз, живо! – строго прикрикнул на нее Роджерс. Потом подошел ближе и, протянув руку, помог спуститься. – Что это еще за баловство? Гуки наверняка следят за нами.

Один выстрел – и прощай, жизнь! Бегом в центр периметра, и больше ни шагу в сторону! – Он слегка подтолкнул ее в спину.

Дальше шли в полном молчании: напряженно и настороженно. Внезапно наступила полная тишина: и щебет птиц прекратился, и даже доселе роившиеся вокруг насекомые куда-то исчезли. Наталья на мгновение остановилась, и тут же прямо у нее из-под ног с громким противным пискom вспорхнула ярко окрашенная птица, похожая на курицу. Наталья, вскрикнув от неожиданности, сделала шаг назад, а птица, хлопая крыльями, пустилась наутек.

– Где-то рядом гуки? – Присев на корточки, Наталья повернула голову к Роджерсу.

– Ага. Не останавливайся. – Он подтянул ее к себе, ухватив под локоть. – Ты удержи-
ваешь остальных.

Весь отряд растянулся по тропе метров на девяносто. Вдруг впереди послышался резкий свист, вслед за которым ухнула граната и застучали автоматы Калашникова.

– Ложись! – крикнул Роджерс.

Наталья упала на землю, больно ударившись коленом о сук дерева.

В ответ на выпад неприятеля послышался стук М-16, и через несколько секунд обоюдный огонь из стрелкового оружия перерос в шквальный.

– Сюда! Сюда! – крикнул Роджерс, махнув рукой в сторону мощной корневой системы поваленного дерева, и Наталья стала отползать в указанном направлении.

Ураганный огонь стих так же внезапно, как и начался. Схватив винтовку попавшегося на пути убитого солдата, Наталья высунулась из земляного укрытия и прицелилась в промежуток между деревьями, откуда только что стреляли гуки. На противоположной стороне лесной прогалины мелькнули несколько вспышек подряд: видимо, то была последняя автоматная очередь, выпущенная по кустам кем-то из ветконговцев. Больше выстрелов не последовало: со стороны гуков слышался теперь только хруст ломаемого кустарника.

– Уходят?

– Уходят, – кивнул Роджерс. И повернулся к отряду: – Чего замолчали? Огонь! Огонь! Мы здесь не на прогулке!..

Снова застучали М-16, но безответно: похоже, их выстрелы лишь заставили гуков ретироваться еще быстрее.

– В головном дозоре есть раненые, – не оборачиваясь, сказал Наталье Роджерс.

– Ясно, кэп. Я пошла.

– Только осторожнее! Гуки хоть и уходят, но мало ли что...

Пригнувшись, Наталья побежала вперед и почти сразу наткнулась на убитого сержанта Моргана, который шел в головном дозоре первым. Сержант лежал на спине, застыв в той позе, в которой его застала смерть. Мертвые руки зажимали рваную рану на горле, представлявшем сейчас собой кровавое месиво. Наталье показалось, что остановившимися выпученными глазами сержант Морган смотрит прямо на нее.

Следом за сержантом, на той же лесной прогалине вдоль всей длины гигантского поваленного дерева, лежали безжизненные тела еще нескольких солдат. Видимо, гуки прятались за стволами деревьев, растущих буквально шагах в пятнадцати от тропинки, поэтому расстрелять тех, кто шел впереди, им не составило никакого труда.

– Эй, это я! – громко крикнула Наталья, предупреждая таким образом тех, кто находился сейчас у другого конца огромного ствола и не видел ее, а значит, мог открыть по ней огонь.

– Действуйте, док! – донеслось в ответ.

– О'кей!

Наталья стала переползать от тела к телу, определяя, кто из солдат ранен, а кто уже мертв. Среди погибших она обнаружила многих из тех, кто был ранен накануне и кого сегодня должны были эвакуировать. Также были раненые и убитые из числа тех, кто нес носилки с ранеными и кто помогал им. У самого основания гигантского дерева Наталья увидела солдата, раненного

днем раньше: он был прижат к земле трупом того, кто нес его носилки. Наталья оттащила погибшего, раненый парень оказался жив.

– В меня снова угодила пуля, посмотрите мою ногу, док, – испуганно проговорил он.

– Сейчас перебинтую, сделаю укол, так что ничего страшного. – Наталья раскрыла сумку, ввела бедняге морфий и сыворотку и двинулась дальше.

И очень скоро наткнулась на Ломбертса. Только мертвого. Наталья присела на корточки, перевернула тело. Да, шансов у Ломбертса не было: справа на затылке зияла огромная дыра. Наталья вернула тело бывшего санинструктора в первоначальное положение. Спереди не оказалось ни одного повреждения. Ломбертс лежал с закрытыми глазами, лицо его хранило абсолютное спокойствие. Наталье даже показалось на миг, что она ошиблась: что Гэри спит и вот-вот проснется...

Оглядевшись, она увидела неподалеку хвостовую часть от гранатометного выстрела В-40. Наталья взглянула вверх: в стволе соседнего дерева отчетливо виднелась выемка.

– Да, док, граната ударила именно сюда, прямо рядом с головой Гэри, – сказал ей один из лежавших поблизости раненых. – Он упал и больше ни разу даже не шевельнулся.

Наталья опустила на колени рядом с Ломбертсом, с трудом сдерживая слезы. Но этого допустить нельзя. «Никогда не показывай своих эмоций раненым, – учила ее фрау Ким. – Им и так тяжело. Поэтому в тебе они должны черпать уверенность и надежду». Нет, она не вправе раскисать, когда в ее помощи нуждаются не менее десятка солдат и сержантов! Сжав зубы, Наталья поднялась, подошла к очередному раненому, привычно принялась за дело. Перевязав его, продолжила путь по тропинке к дальнему концу лежавшего на земле дерева, туда, где лес снова становился густым, смыкаясь в плотную непроходимую стену.

– Док, этих грузить на вертолеты? – окликнул ее сзади один из уцелевших санинструкторов.

– Да, Стив. Заполните бирки и несите.

– Жалко Гэри. – Он остановился рядом с погибшим товарищем.

– Жалко. – Наталья опустила голову.

Подошел Роджерс. Посмотрел на Гэри, отдал честь, вздохнул.

– Как думаете, кэп, – обратился к нему санинструктор, – гуки совсем ушли или просто затаились?

– Ты когда-нибудь видел, чтобы они уходили насовсем? – криво усмехнулся Роджерс. – Наверняка продолжают наблюдать за нами. Просто мы их тоже крепко помяли, вот они пока и зализывают раны. Так что не тратим зря время и идем к посадочной зоне! – приказал он. – Но всем быть начеку. Док, готовы? – наклонившись, спросил кэп Наталью. И почти шепотом добавил: – Не плачь. Пожалуйста.

– Да, сэр, – так же громко ответила она и так же тихо сказала ему одному: – Я не плачу, кэп. Держусь.

– Молодец.

Отряд снова двинулся по лесной тропе, стволы выставленных в стороны винтовок раскачивались в такт шагам.

– Тигры! – раздался крик от основания огромного дерева. Это был их позывной. – Вы в порядке?

– Змеи! – откликнулся Роджерс. – Идем к вам!

– Ждем!

Группа, пришедшая со стороны посадочной зоны, поджидала их на небольшой поляне. К Наталье тут же присоединился еще один врач, капитан Ладуха.

– Помощь нужна? – с ходу поинтересовался он.

– Да, кэп, – кивнула Наталья. – Здравствуйте. Приглядите пока за теми, кто уже готов к эвакуации, а мне еще надо подготовить остальных.

– О'кей, мэм. Со мной прибыла бригада санитаров. Отправить их с вами?

– Благодарю, кэп, не помешало бы.

– А где Ломбертс? Что-то я не вижу его.

Наталья, опустив голову, промолчала. Ладуха догадался без слов.

– Жаль, – сказал он глухо. – Я как раз собирался сообщить ему, что его назначили старшим санинструктором. Он был бы рад. Но теперь не узнает...

– Не узнает, кэп.

– А ведь ему оставалось служить всего около месяца. И все, домой...

8

Два санитарных вертолета приземлились, чтобы забрать раненых. Десантники Роджерса заняли позиции по периметру поляны для обеспечения охраны. Пока раненых грузили на борт, пилот одного из вертолетов выскочил из кабины проверить сливной клапан. Потом взобрался на крышу по скрытым между дверями пилотской и грузовой кабин ступенькам. Вертолет был марки «Хьюи», крышу имел плоскую, и по ней можно было спокойно ходить и при желании даже танцевать.

– Посмотри, нет ли трещин в лопастях, – крикнули ему из кабины, – из-за того чертова сука, за который мы зацепились! Как бы лопасть не оторвалась при взлете!

– Ага, гляну!

Над поляной кружили еще порядка двух десятков вертолетов, в том числе четыре «ганшипа». Они ждали окончания погрузки раненых, чтобы потом забрать десантников.

– Готово, док, – доложил санинструктор. – Залезайте.

Наталья поднялась в кабину, в глаза ударило утреннее солнце. От его лучей по плексигласовой внутренней обивке разбежались в разные стороны белые полосы. Борттехник помог Наталье пристегнуться. Под лучами солнца ей сразу стало жарко.

– Придвиньтесь ближе к броне, док, – посоветовал борттехник, – мало ли что...

– Нет, док полетит с нами! – услышала Наталья голос капитана Роджерса. Он подбежал к вертолету и протянул ей руку: – Спускайся!

– Как угодно, кэп, – кивнул борттехник.

Наталья отстегнула ремень и прыгнула вниз.

– Стартуйте.

– Есть, кэп.

– Скорее. Не то снесет. – Роджерс потянул Наталью за собой в укрытие.

Санинструктор захлопнул двери. Завыли стартеры, лопасти вертолетов крутанулись сперва медленно, а затем заработали все мощнее, сливаясь постепенно в один сплошной диск, и слоновая трава высотой с человеческий рост, росшая на поляне, пригнулась до самых корней. Санитарные вертолеты взмыли вверх один за другим. Едва они достигли нужной высоты, к поляне начали снижаться «слики». Двери у всех были раскрыты и прикреплены к бортам шпильками, чтобы не сорвало. По приказу Роджерса десантники сгруппировались на небольшой площадке и теперь ждали, когда вертолеты снизятся настолько, что можно будет прыгнуть внутрь.

– Сапоги готовы! – донеслось с борта одного из «сликов».

– Почему они называют вас «сапогами»? – удивленно спросила Наталья у Роджерса.

– Кавалерия, значит, – усмехнулся он. – Пилоты очень высокого мнения о себе. Считают, что по сравнению с ними у нас интеллект как у сапожников, вот и издеваются. – И громко скомандовал: – Приготовиться!

Когда первый вертолет опустился до приемлемой высоты, десантники один за другим принялись прыгать в его салон. Сделать это было непросто, поскольку они несли на себе все свое снаряжение – винтовки М—16, гранатометы М—79, гранаты, патроны, фляги... В каждый вертолет помещалось не более десяти человек, но брали по двенадцать, не взирая на риск перегруза машины.

– Наш вертолет последний, – предупредил Роджерс Наталью, взяв ее за руку.

Пятнадцать «сликов» загрузились довольно быстро. В последний набилось аж четырнадцать человек, так как двоим не хватило места, а оставлять их было нельзя. Машина с тяжелым гулом стала набирать высоту.

Наталья сидела на одной скамье с пилотами, ее сильно зажали с обеих сторон, дышать было трудно. Вертолет с трудом поднялся над деревьями, потом сбавил скорость, занимая место в общем строю и замыкая левый клин. «Ганшипы» прикрывали вереницу вертолетов с флангов.

Машину качнуло – это весь клин начал медленно разворачиваться в сторону перевала Анкхе. Солнце нещадно било в глаза, слезы туманили взгляд. Преодолев перевал, достигли долины, и тут с земли послышались выстрелы. Наталья глянула вниз и увидела большую группу крестьян.

– Похоже, у них пикник, – крикнул бортехник, обернувшись.

Капитан Роджерс отрицательно мотнул головой:

– Не думаю.

Выстрелы участились. Из передовых вертолетов стали поступать сообщения о попаданиях. Меж тем стоявшие внизу люди вроде бы ничего не делали: просто стояли и, прикрыв ладонями глаза от солнца, смотрели вверх – на вертолеты, летящие низко и медленно. Сколько Наталья ни вглядывалась, ни одного вооруженного человека так и не увидела – только толпу женщин, детей и мужчин, глазевших на небо. Прицельные огневые попадания в вертолеты тем не менее продолжались.

– Я ничего не понимаю, – повернулась она к Роджерсу. – Кто и откуда стреляет?

– Снайпер, – коротко пояснил он. – С очень удобной огневой позиции.

– Где это?

– Всмотрись в самую середину толпы.

Наталья пригляделась. Действительно: из центра группы людей, якобы собравшихся невинно отдохнуть среди кокосовых и банановых пальм, поднимался дымок. А вскоре увидела и самого стрелка, управлявшего пулеметом. Невдалеке виднелась еще одна группа людей, и из ее середины тоже взмывали вверх вспышки. Получается, мирные жители прикрывали засевших среди них снайперов собственными телами. Причем стояли совершенно неподвижно, точно смирившись с уготованной им судьбой.

– Значит, чтобы уничтожить снайперов, надо убить всех мирных жителей?! – ужаснулась Наталья.

– Опасная работа, док, ты сама говорила. – Роджерс крепко сжал ее пальцы. – Потом как-нибудь все тебе расскажу. Сейчас не время.

– Вижу пулемет, сэр! – доложил бортовой стрелок.

Командир вертолета повернулся к Роджерсу:

– Всех?

– Стреляй сначала в землю, – крикнул в ответ кэп, – попробуй напугать. Может, разбегутся.

– Есть, сэр.

С вертолета открыли огонь. Пулемет теперь стучал так близко, что Наталье казалось, будто с каждым выстрелом кто-то бьет ее ладонями по ушам. Она зажмурилась.

Люди по-прежнему стояли не шелохнувшись, хотя пули «с неба» уже взбивали фонтанчики грязной воды на рисовом поле и быстро приближались к ним. Засевший среди них стрелок сосредоточился, видимо, на другом вертолете и пока не видел подкрадывающейся к нему смертоносной очереди.

Усилием воли Наталья заставила себя открыть глаза и снова посмотреть вниз. Нет, ее надежды не оправдались: черные пижамы и конические шляпы крестьян не сдвинулись с места ни на шаг.

– Они что, связаны? Прикованы? – спросила она Роджерса.

– Я думаю, просто запуганы, – хмуро ответил тот.

Когда пулеметная очередь с вертолета приблизилась к мирным жителям на расстояние пятидесяти футов, стало ясно, что никуда они не побегут. Получая «свою» пулю, каждый лишь вскидывал руки и, словно кружась на месте, плавно опускался на землю... А огонь с вертолета все продолжался, и Наталье показалось, что до того момента, как снайпер был наконец «открыт», прошло очень много времени.

– Есть! – крикнул бортстрелок.

Наталья снова посмотрела в окно: пулеметный ствол свесился вниз, снайпер-пулеметчик недвижно распластался на земле, окруженный мертвыми телами мирных жителей числом не менее дюжины.

Наталья скорбно опустила голову. Она молчала. Впрочем, молчали и все остальные – говорить никому не хотелось. Но потом снизу снова раздались выстрелы. Причем на сей раз уже не одиночные, а залпово-шквальные.

«Слики» сбросили скорость – это означало, что пришел черед действовать «ганшипам». «Ганшипами» называли те же вертолеты «Хьюи» модели В, просто они летали чуть медленнее, имели более надежную защиту и, кроме того, были оснащены тяжелым вооружением. Мелькнули белые вспышки ракет, за ними заструились такие же белые полосы дыма. Заработали тяжелые пулеметы. От взрывов снарядов вверх взметнулись крупные комья земли. Со «сликов» открыли дополнительный огонь – из бортовых пулеметов.

Спустя мгновение снова загрохотал пулемет и в их вертолете. Десантники стреляли из винтовок просто через открытую дверь. Трассеры чертили воздух. Снизу доносились стоны и крики: вьетконговцы сгоняли на верную смерть очередную толпу мирных жителей – на этот раз босоногих чумазых ребятишек, бежавших за ручку с мамами. Больше Наталья уже не смогла заставить себя смотреть вниз. Она знала, что после работы «ганшипов» в живых, скорее всего, не останется никого...

– Они поступают так всегда! – прокричал ей в ухо Роджерс. – Сгонят целую деревню женщин и детей и заставляют их стоять, а сами прячутся за ними. И тогда выбора у нас два: либо крошить ребятишек, либо позволить вьетконговцам подбить все наши вертолеты...

Миновав долину, начали долгий заход на посадку. Деревень в поле зрения уже не было. Растительность виднелась скупая – трава, редкие деревья да сухие рисовые поля.

– Герцоги, начинай боевой! – услышала Наталья голос пилота.

Вперед снова выдвинулись «ганшипы». С помощью пулеметов и ракет они стали «зачищать» окрестности, готовя таким образом зону для высадки и избавляясь от возможной засады. Снова вокруг замельтешили белые дымовые полосы.

Наконец первое звено долетело до дальнего конца выбранной для посадки площадки, и треск пулеметов, бивших по окружавшим ее кустам, несколько ослабел. Когда «зачистка» была полностью завершена, вертолеты один за другим начали опускаться на траву.

– Они в перелеске! – крикнул вдруг Роджерс.

Наталья посмотрела вниз, но не увидела ни одного вьетконговца – за окном мелькали лишь вспышки от выстрелов.

Едва вертолеты коснулись полозьями земли, десантники один за другим выскочили из машин и побежали к краю площадки. Началась яростная перестрелка с засевшим в перелеске противником. Потом разом все стихло.

– Ушли, – устало сообщил Роджерс Наталье, вернувшись. – Хотя и близко подобрались...

Подвели итоги: за время перелета к лагерю двенадцать машин было повреждено и три – сбито. Погибли два пилота и два стрелка.

Лагерь располагался в зоне Лима. За несколько месяцев пребывания здесь это место – усеянная сухими рисовыми полями большая равнина и проходившая неподалеку от нее дорога – стало Наталье уже хорошо знакомым.

Как только раненых выгрузили из вертолетов, «ганшипсы», для порядка покружив над полем, улетели. Видимо, «поддерживать» другую группу.

Где-то за перевалом начинались влажные рисовые поля, тянувшиеся на протяжении нескольких миль на восток. Наблюдая, как вынесенных из вертолетов раненых транспортируют в джип для последующей доставки в госпиталь, Наталья заметила шедшего по дороге старика. Перед ним медленно и лениво тянулась цепочка буйволов, на которых восседали ребятишки. Видимо, возвращались с работы. Увидев вертолеты, старик остановился. Потом приблизился к Наталье и сказал:

– Бонжур, мадам. – На его изрезанном морщинами лице обозначилось некое подобие улыбки.

– Бонжур, – ответила Наталья, быстро оглядев его.

Ничего особенного: узловатые руки, покрытые язвами босые ступни, черная рубашка, набедренная повязка... Обычный старик.

– Я рад, что вы вернулись, – улыбнулся он как можно шире.

Наталья поняла, что старик принял их за французов, которые десять лет назад проиграли вьетконговцам в этих же местах крупное сражение.

– Вы воевали? – спросила она его.

– Я был в ваших частях, – кивнул он. (Наталья знала, что на стороне французов выступило тогда много местных жителей, поэтому не удивилась его ответу.) Старик меж тем тоже задал вопрос: – Вы разобьете северных коммунистов?

– Постараемся.

– Хо Ши Мин...

– В чем дело? – подошел капитан Роджерс. – Ну-ка живо убирайся отсюда! – прикрикнул он на деда.

– Зачем ты так, Том? – укоризненно взглянула на него Наталья. – Он сказал, что сражался на стороне французов.

– Вы слишком добры и наивны, док, – Том больно сжал ее локоть. – Здесь никому нельзя верить. Никому! Вьетконговцы далеко не такие безобидные, какими кажутся на первый взгляд. Этот дед запросто может оказаться разведчиком ВК.

Наталья оглянулась: старик уже снова брел по пыльной дороге, устало подгоняя буйволов.

– Тебе виднее, кэп. – Наталья высвободила руку и расстегнула воротник. – Уф, душно!.. Я и впрямь мало что понимаю в этой странной войне.

– А кто понимает? – угрюмо усмехнулся Роджерс. – Думаю, никто. Даже наши генералы ни черта не понимают, только делают умный вид. Но мы уже так увязли, что неизвестно, как выбираться будем... Ты отвезешь раненых и назад, я надеюсь? – Он посмотрел ей в глаза. – Я распоряжусь, чтобы для тебя оставили обед.

– Лучше ужин, – вздохнула Наталья. – Я же их не просто отвезу, мне их еще и прооперировать придется. Так что вернусь к вечеру, не раньше.

– Хорошо. Ужин так ужин. В любом случае я буду тебя ждать.

– Ты что-то хотел рассказать мне.

– Вечером расскажу. Сейчас не до разговоров, сама видишь. Кстати, док, на ужин у нас то же самое, что и на обед. Пайки и кофе. Еще и сигареты, правда, но ты не куришь.

– Меня устраивает, – она поцеловала его в колючую от щетины щеку.

– К тому времени, как ты вернешься, я побреюсь, – пообещал он.

– Меня устраивает, – повторила Наталья и улыбнулась.

9

– Представляешь, док, я узнал, что раньше на этом месте было старое вьетнамское кладбище. – Роджерс наклонился, покопался в ящике с пайками, извлек пачку галет, протянул Наталье. Иронично усмехнулся: – Но ты не думай, это еще не все. Мы богатые.

– Спасибо, кэп. Ужин в лагере, а лагерь на месте кладбища. Очень романтично.

Солнце уже спряталось, но воздух был душным, парным.

– Ага, вот, – он вынул очередной паек. – Кажется, здесь пакет с кофе не вытащили, а то именно таких пакетов вечно не хватает. Все любят кофе, понимаете, док?

– Понимаю. Что, воруют прямо из ящиков?

– Ну да, умудряются как-то... – Роджерс достал банку с печеньем, взял консервный нож, поддел им крышку, заглянул внутрь, присвистнул: – Ничего себе, аж три штуки! Да еще и с мармеладом! Но печенье мы отложим на потом. Сначала нужно найти что-нибудь посуше-ственной. Хотя баночка нам, впрочем, пригодится...

– Зачем ты это делаешь? – удивленно спросила Наталья, увидев, что Том выкладывает печенье из банки.

– Сейчас поймешь. – Он выдул из жестяной банки крошки, нагнулся, поскреб ею по земле, набил до половины песком, встряхнул, выровнивая верхний слой. – Подожди. – Легко поднявшись, направился к ближайшему вертолету, подставил банку под его брюхо в том месте, где находился сливной клапан.

Через раскрытый полог палатки Наталья с изумлением наблюдала за действиями кэпа. Когда же топливо закапало в банку, сообразила, что он мастерит примитивную «печку».

Вернувшись, Роджерс снова залез в ящик, достал еще одну банку печенья и вскрыл ее несколькими быстрыми движениями консервного ножа.

– Догадалась? – бросил он быстрый взгляд на Наталью. Она кивнула, и он довольно улыбнулся. Потом пробил у верхнего края «печки» несколько треугольных дырок, чтобы пламя могло свободно гореть, когда на ней будет стоять банка с едой. Наконец установил банку-печку на ровном месте и поджег. Из самодельного устройства вырвался темно-оранжевый, коптящий язык пламени. – О, кей, – произнес кэп удовлетворенно и извлек все из того же ящика пластиковую посуду и еще несколько банок.

– Что это? – поинтересовалась Наталья.

Солнце уже уходило за перевал. Его последние лучи слабо золотили влажную листву.

– Увы, док, деликатесов не предвидится. Все как всегда, строго по списку. Итак, что изволите заказать на ужин, док? – Том игриво взглянул на нее и принялся перечислять: – Говядина с лапшой, тушеная говядина, спагетти с фрикадельками, цыплята, омлет...

– Цыплята, – остановила она его.

– Правильно, – одобрил ее выбор кэп.

С помощью сложенной пополам крышки от печенья он взял банку с водой и, чтобы дать огню выход сбоку, специально поставил ее на «печку» чуть неровно. С той стороны, где плясали язычки пламени, на воде почти сразу стали появляться пузырьки.

Последние лучи солнца погасли за перевалом. В воздухе начали собираться тучи москитов.

– Опустит рукава, – посоветовал Том, перекладывая разогретого цыпленка в тарелку. – Зажрут.

– Вкусно пахнет.

– Тогда приятного аппетита, док, – протянул он тарелку Наталье. – А я пока займусь кипятком для кофе.

В очередную пустую банку из-под печенья Роджерс налил из фляги воды и тоже поставил на чудо-печку. Когда вода закипела, снял банку с огня, предварительно обернув ее обрывком картона, чтобы не обжечься. Осторожно перелил кипяток в пластиковую кружку, надорвал верх бумажного пакетика с кофе и высыпал гранулы в воду. Те тотчас растворились, распространив по палатке приятный аромат. Добавив в кофе сахар и сухое молоко, Том протянул кружку Наталье.

– Спасибо, кэп.

– Сегодня снова быть дождю, – обронил Роджерс, закурив сигарету и снова склонившись над ящиком. Достал для себя банку с говядиной, открыл, разогрел на огне, вытряхнул мясо на тарелку и уселся напротив. – Тарелку после еды надо смять, док, помнишь?

– Помню, сэр, – улыбнулась она. Потом добавила уже серьезно: – У меня из головы никак не выходят те люди внизу, я и в госпитале о них думала. Почему никто из крестьян даже не пригнулся от пуль?

– Снайпер заставил их стоять неподвижно.

– Но разве можно заставить людей стоять под пулеметным огнем?

– Если б они побежали, он застрелил бы их.

– Но их ведь все равно расстреляли! Только с вертолетов. А вот если бы они побежали одновременно, разом, ему не удалось бы убить их всех. Тем более что он был занят нашими вертолетами.

– Видимо, они боялись его больше, чем нас. Нам не понять устройства их мозгов, док.

Расправившись с говядиной, Роджерс еще раз вскипятил воду для кофе, взял с железной крышки, служившей ему пепельницей, недокуренную сигарету. В сгустившихся сумерках Наталья видела теперь лишь огонек сигареты да мужской силуэт – высокую фигуру, широкие плечи.

Где-то вдали трещали выстрелы.

– И все-таки эта страшная картина до сих пор стоит у меня перед глазами, не дает мне покоя. Я даже четко запомнила отдельные лица! Помню, одна старуха невозмутимо что-то жевала, и когда в нее угодила пуля, она лишь обреченно мотнула головой, словно так и должно было быть. А один ребенок пытался убежать, но мать прикрикнула на него, и они погибли вместе. Нет, подобная покорность не укладывается в моей голове!

– Кажется, я обещал тебе кое о чем рассказать... – Роджерс стряхнул пепел на траву. – Так вот, перед отправкой сюда мне и всем остальным новобранцам задавали один и тот же вопрос. Причем задавали твои коллеги, только психологи. Вот, говорят, допустим, вы на большой скорости ведете грузовик с солдатами на борту по скользкой дороге. С обеих сторон – крутые обрывы. И вдруг на вашем пути оказывается маленький ребенок. Как вы, мол, поступите: постараетесь объехать его и рухнете с обрыва, обеспечив верную смерть себе и товарищам, или продолжите ехать прямо и убьете ребенка? Ответ, казалось бы, очевиден: надо пожертвовать ребенком, убить его. Но разве язык повернется сказать такое?!

– И все же... что ты ответил? – Наталья внимательно воззрилась на собеседника.

– Сначала сказал, что остановлю грузовик, но меня тут же поправили: вы, дескать, этого сделать не сможете, поскольку мчитесь на большой скорости, а дорога скользкая и идет под уклон. Хитрецы. Я им, конечно, попробовал возразить, что по столь опасной дороге вряд ли буду ехать быстро, но тут старший в комиссии мне и говорит: вы что, мол, не понимаете, лефт, – а я тогда еще первым лейтенантом был, – что должны дать только один из двух ответов: убить либо ребенка, либо своих товарищей. Зачем, спрашивается, задавать такие вопросы, если для всех ответ очевиден? Но нет! Эти монстры-психологи хотят именно услышать, как ты сам произнесешь это вслух! В общем, я сказал им так: раз у меня нет выбора, я еду дальше и сбиваю ребенка, но тест ваш – дрянь. А они мне: не ваше дело, лефт, счастливого пути. Словом, только здесь я понял, для чего нам задавали такие вопросы, – криво усмехнулся Том. – Подумаешь,

грузовик сбил ребенка! Только и всего-то... Так что работа у нас не только опасная, но и плохая, док. Неправильная у нас работа...

Начал моросить дождь.

– От всего пережитого за сегодняшний день я, наверное, ночью не смогу сомкнуть глаз, – потерянно произнесла Наталья. – В глазах до сих пор стоит картинка, как они снизу смотрят на меня и даже, кажется, улыбаются мне. А потом кружатся, падают и умирают...

– Это от усталости, док. – Роджерс обнял ее за плечи и притянул к себе. – Я постараюсь помочь тебе уснуть.

10

Серые волны шуршали о мокрый песок, над морем висел сырой густой туман. Натали медленно гуляла по берегу, зябко кутаясь в меховую накидку. Спустившись по ступенчатой аллее к морю, Маренн подошла к Наталье и с нежностью положила руку ей на плечо.

– Ты уже давно гуляешь, замерзла, наверное. К нам Франц приехал, Женевьева накрыла стол. Идем в дом.

Наталья повернулась лицом к Маренн, в ее глазах стояли слезы.

– Я хочу вернуться в Петербург, – негромко произнесла она. – Я соскучилась по своему дому. Мне стали часто сниться кони на Аничковом мосту...

– Я понимаю тебя, – вздохнула Маренн. – Очень хорошо понимаю. Я тоже видела во сне свой дом, вот этот самый, – она кивнула в сторону замка, – много раз на протяжении многих лет. И уже не чаяла когда-нибудь сюда вернуться. Родная Франция казалась мне потерянной навсегда, я долго не могла ее простить. Многое должно было со мной произойти и многое мне нужно было пережить, чтобы я все-таки вернулась. И ты вернешься, – мадам успокаивающе провела рукой по волосам Натальи. – Власть Советов не вечна, ибо власть Зла не бывает вечной. Просто надо набраться терпения и ждать. Однако жизнь между тем должна идти своим чередом и ни в коем случае не стоять на месте. Тогда ты и сама не заметишь, как быстро все изменится к лучшему. Кстати, я думала, что ты встретишь Франца с радостью, а ты к нему даже не подошла. Почему? Он тебя чем-то обидел? – Маренн внимательно всмотрелась в лицо Натальи.

– Нет, ничем не обидел, – отрицательно мотнула та головой. – Просто мне лучше, когда я одна.

– Что за глупые мысли?! – укоризненно воскликнула Маренн. – Нет, так дело не пойдет, девочка моя. Я, конечно, знаю, что человек быстро привыкает к одиночеству, однако не считаю это лучшим способом существования. Так что идем в дом, дорогая, тебя все ждут, – она энергично потянула Натали за собой.

– Я еще немного погуляю и приду, – осторожно высвободилась из ее рук Натали.

– Ну хорошо, только не задерживайся, – сдалась, тяжело вздохнув, Маренн и удалилась.

Поднимаясь по ступеням на террасу, она услышала доносившийся из столовой бодрый голос Шлетта:

– Вот как выстрелит такой снайпер, так сразу смотровую щель и залепит...

Затем раздался смех Йохена и послышался вопрос явно озадаченной Джилл:

– Я не понимаю, над чем вы смеетесь. Чем залепил? О чем вы вообще говорите?

– Не обращай внимания, Джилл, Франц просто фантазирует, – сказала Маренн, входя в столовую. – А тебя, Франц, прошу прекратить смущать мою дочь. – Она обошла вокруг стола и села рядом с Йохеном, который тотчас взял ее за руку.

Шлетт между тем недоуменно пожал плечами, чиркнул зажигалкой, закурил сигарету и с деланным равнодушием осведомился:

– А девушка что, до сих пор не в курсе?

– Девушка в курсе всего, что интересно и полезно ей самой, оберштурмбаннфюрер, – парировала Маренн. – И разным скабрёзным шуточкам предпочитает изящную словесность. К тому же ты, Франц, увы, не оригинален. Когда-то, еще в Берлине, мою дочь уже пытался воспитывать в подобном духе Науйока, но я ему этого не позволила.

– Ах, ну раз речь идет об изящной словесности, тогда извиняюсь, – Шлетт шутливо покаянно склонил перед дамами голову. – Помнится, один из наших фюреров, Гиммлер, тоже был приверженцем изящной словесности. И даже создал ради этого весьма разветвленный аппарат. А уж сколь горазд был наш рейхсфюрер на выдумки! Помнишь, – он повернулся к Йохену, –

одно из его изобретений? Да, да, тот самый специальный гель в трубочке, который рейхсфюрер рекомендовал всем наносить на пенис, чтобы не реагировать на славянок. Фрау Ким, – осклабился Франц в широкой улыбке, – уж не в вашей ли клинике в Шарите сей препарат разработали? Не сам ли профессор де Кринис – автор столь мудреного состава?

– Ну что ты, Франц?! – наградила его аналогичной улыбкой Маренн. – Куда уж французским профессорам до немецких изобретений!

– У профессора были слишком чистые белые манжеты, чтобы заниматься такого рода делами, – хохотнул Йохен. – Он бы просто побоялся испачкать их. Случайно. Этим самым гелем. Вдруг бы его жена Фредерика что-то не то о нем подумала.

– Налить тебе еще кофе? – Маренн повернулась к притихшей Джилл.

– Да, мама, спасибо.

– Неужели рейхсфюрер сам состав геля придумал? – не унимался развеселившийся Шлетт.

– А ты на себе-то его, кстати, испытывал? – любопытствовал Йохен с неприкрытой иронией.

– Нет, что ты, – замахал руками Франц, – меня и Тося устраивала! Один раз посмотрел, правда, но он зеленый оказался, какого-то ядовитого цвета, и мне себя сразу жалко стало. А к гелю этому, между прочим, еще и грелка прилагалась. Ну это вообще что-то из области фантастики! Сам-то ты, ясное дело, этими изобретениями Гиммлера не пользовался, – он подмигнул Йохену, красноречиво кивнув в сторону Маренн. – Пусть с перерывами, но у тебя женщина всегда под боком была. А остальным каково? Вот и приходилось довольствоваться Тосей.

– А я-то все гадал: зачем Франц столько шоколада набирает? Оказывается, для Тоси! – расхохотался Йохен.

– Без шоколада не давала, это точно. Но ты хоть потише говори, – Франц бросил взгляд на террасу, – чтобы фрейляйн Натали не услышала. Ей, помню, еще и там, на Балатоне разговоры про Тосю не нравились, а уж теперь, думаю, и подавно не по душе придутся. Фрейляйн Натали – это тебе не фрау Ким, она никакой Тоси мне не спустит.

– Фрау Ким тоже не спустит, – Йохен с улыбкой взглянул на Маренн. – Это она только с виду мягко стелет, а попробуй поперек пойдешь – вмиг в пантеру превратится! Загорится быстрее, чем ты зажигалкой чиркнешь. Никакой Тоси мне не спустила бы.

– Я не понимаю, мама, о каком геле вы говорите? – Джилл уже чуть не плакала. – Что за грелка? Для чего все это?..

– Не бери в голову, дочь. Мужчины просто развлекают друг друга солдатскими анекдотами, – заверила девушку Маренн. И строго, хотя и едва сдерживая улыбку, посмотрела на Шлетта: – Франц, я вынуждена повторить свою просьбу относительно разговоров в присутствии моей дочери.

– Фрау Ким, но вы же доктор! – нарочито обескураженно всплеснул тот руками.

– Смею вам напомнить, Франц, что в моем доме живут не только доктора.

– Я уже заметил, что фрейляйн Джилл – ну просто нежный цветок в вазе! – Шлетт дурашливо прижал руки к груди. – Вот фрейляйн Натали, – он снова оглянулся на море, – ничем не смутишь и не испугаешь. Правда, увы, ничем и не возьмешь. Ни с гелем, ни без геля. Она вообще ледяная. А вот фрейляйн Джилл, – он галантно поклонился девушке, – само очарование!

– Благодарю, – Джилл, запунцовев от смущения, опустила глаза.

– Но это не повод отпускать сальные штучки, чтобы получать удовольствие от того, как фрейляйн Джилл краснеет, – строго и на сей раз без намека на улыбку отчитала Шлетта Маренн.

– Ты с Ханнелорой на подобные темы беседуешь? – спросил Йохен Франца, решив занять сторону хозяйки дома.

– Нет, конечно, – округлил Шлетт глаза.

– Вот и здесь помалкивай.

– Понял и замолчал. А что, – он снова кивнул в сторону моря, – фрейляйн Натали вообще не собирается возвращаться с прогулки? Или она просто не хочет видеть меня?

– Я могу сходить за ней, – сказала Джилл, вставая из-за стола.

– Не сто́ит, – Маренн жестом усадила дочь на место. – Я недавно ходила, Натали обещала скоро прийти. Кстати, Франц, что между вами произошло? – она внимательно посмотрела на Шлетта. – Признавайся, здесь все свои. Я должна знать, ведь Натали мне не чужая. К тому же в отличие от моей Джилл, – мать ласково поправила выбившиеся из прически волосы дочери, – она на твои шуточки не реагирует, ибо много чего наслушалась и насмотрелась на родине. Так в чем же дело, какая кошка меж вами пробежала?

– Если хотите, мы с фрейляйн Джилл сходим покормить зверушек Клауса, – деликатно предложил Йохен.

– Оставайтесь, – по-хозяйски распорядилась Маренн. – Какие у нас могут быть друг от друга секреты? К тому же я не думаю, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Или я ошибаюсь? – она снова пристально посмотрела на Шлетта.

– Отнюдь, – пожал тот плечами. – Вы правы: ничего особенного не случилось. Я, во всяком случае, именно так и думаю. А уж как там думает фрейляйн Натали, мне неизвестно. Просто недавно я побывал в ее квартире на Монмартре: проводил после ресторана, и она сама пригласила меня на чашечку кофе. Возможно, надеялась, что я откажусь, но я согласился: в гостях все лучше, чем скучать в одиночестве в номере отеля. Так вот, пока фрейляйн Натали варила кофе, я заметил у нее на комодке ворох бумаг и, разумеется, заглянул в них. Оказалось, банальные счета за квартиру, но почему-то все не оплаченные. Я удивился, поскольку знаю, что она работает у тебя в клинике, Ким, и заработок, значит, имеет приличный. Однако за кофе не удержался и спросил ее об этих счетах напрямую. И тут фрейляйн Натали словно подменили! Она страшно на меня разозлилась и велела не совать нос в чужие дела. А уж когда начала жаловаться на разыгравшуюся у нее якобы головную боль, я понял: хочет, чтобы я ушел. Одним словом, романтический вечер не состоялся. Но квартирные счета у нее не оплачены, Ким, и это факт. Причину я так и не выяснил, поэтому выясняй сама. А фрейляйн Натали наверняка догадывается, что я тебе все расскажу, вот и не спешит примкнуть к нашей компании.

– Неоплаченные счета?! – Маренн обеспокоенно взглянула на Джилл: – Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Нет, мама, впервые слышу, – недоуменно пожала плечами дочь. – К тому же ты и сама знаешь, что за все те годы, что Натали снимает квартиру на Монмартре, я ни разу не была у нее в гостях. Она почему-то не приглашает меня к себе. И старательно избегает моих расспросов о том, как она там живет.

– И сколько она задолжала? – Маренн вновь повернулась к Францу.

Тот удивленно вскинул бровь.

– Я не считал. Хотя и задал ей тот же вопрос. Даже предложил свою помощь в оплате, чтобы тебя лишний раз не беспокоить. Но она разозлилась еще пуще. Сказала, что ей от меня ничего не надо. Так что сумма ее долга мне тоже неизвестна, прости, Ким.

– Разве в Советском Союзе не принято платить за квартиру? – вновь встряла в разговор Джилл, пытаясь докопаться до истины. – Или у коммунистов все общее и бесплатное?

– Не говори глупостей, Джилл, – поморщилась Маренн. – За любые услуги, в том числе коммунальные, платят во всем мире, и в Советском Союзе тоже. Не с неба же у них там горячая вода льется! Если, конечно, русские вообще знают, что это такое. К тому же Натали приехала во Францию не вчера, так что успела уже ознакомиться с правилами здешней жизни. Но я все равно ничего не понимаю! Спасибо, что ты обо всем рассказал мне, Франц. При случае я всенепременно поговорю с ней. Но сейчас, когда она придет с прогулки и присоединится

к нам, прошу всех, – Маренн многозначительно посмотрела на Джилл, – обойтись даже без намеков. Ни слова!

– Я поняла, мама.

11

Голубой круг – отсвет чуть покачивающейся на ветру лампы – медленно передвигался по лаковой поверхности круглого белого столика, украшенного ажурной резьбой. С едва слышимым шорохом шевелились прозрачные шторы, закрывавшие выходящее на море окно. Балконная дверь была приоткрыта, и с моря тянуло зимней холодной сыростью. Наталья молча смотрела в стол прямо перед собой.

– И все-таки я позволю себе задать тебе волнующий меня вопрос, Натали, – Маренн опустила в накрытое леопардовым мехом кресло напротив. – У тебя возникли затруднения с деньгами?

– Франц доложил? – ответила вопросом на вопрос Наталья, так и не подняв головы.

– Да, Франц, – не стала лукавить Маренн. – Но почему я узнаю о твоих проблемах от него, а не от тебя?! Ты же знаешь: я всегда готова помочь тебе! И могу помочь. Ты только объясни, отчего вдруг возникли трудности с деньгами?

– Хозяйка повысила арендную плату почти вдвое, – призналась Наталья чуть ли не со стоном, – и денег стало не хватать. Ведь мне же надо оплачивать еще и учебу! Пока квартирная хозяйка считала меня просто русской эмигранткой, она относилась ко мне с сочувствием. Но когда увидела у меня в гостях Франца и услышала, что я говорю с ним по-немецки, ее точно подменили! На следующий же день повысила стоимость квартплаты задним числом, и теперь мне от долгов никуда не деться...

– Почему же ты молчала, девочка моя?! – Маренн инстинктивно подалась вперед. – Вдвоем мы давно бы уже решили эту проблему. Итак, слушай меня! В ближайшее же время ты снимешь другую квартиру. Такую, где хозяева не слишком негативно относятся к бошам. Хотя нет! Ты просто переедешь ко мне, чтобы не тратить деньги на твою ерунду вроде так называемой «независимости», а тратить их только на учебу!

– Но хозяйка меня не отпустит! – Наталья в отчаянии обхватила голову руками. – Она уже пригрозила мне, что в случае чего обратится в полицию.

– Ты забыла о Клаусе, дорогая? – вкрадчиво произнесла Маренн, поднявшись с кресла и подойдя к Наталье. – Он ведь у нас уже почти стопроцентный юрист, и, смею заметить, весьма неплохой юрист. Вот мы и отправим Клауса к твоей квартирной хозяйке. Думаю, он ей быстро растолкует правила соблюдения договора. У тебя ведь есть договор на аренду помещения?

– Есть, – растерянно кивнула Наталья.

– Вот и отдашь Клаусу этот документ. А после его беседы с твоей алчной хозяйкой еще неизвестно, у кого из вас возникнут неприятности: у тебя или у нее. Полагаю, Клаус взыщет с нее еще и моральную компенсацию за твои слезы и унижение, так что платить придется не тебе, а ей, девочка моя. Она ведь наверняка думает, что ты оказалась в чужой стране одна и потому беззащитна. Но мы докажем ей, что это не так. Главное, – Маренн взяла Наталью за подбородок, подняла ее лицо к себе и посмотрела прямо в глаза, – чтобы ты сама относилась к нам с доверием. К нам ко всем. Ко мне, к Джилл, даже к Францу. Мы все на твоей стороне, даже не сомневайся в этом. Мы не оставим тебя в беде. Никогда!

Снизу послышалась музыка: это Йохен заиграл на рояле «Опавшие листья» Армстронга. Потом что-то сказал Франц. Потом засмеялась Джилл.

– Мама, мама! – раздался ее веселый голос. – Иди сюда! Ты только послушай!

– Извини, Натали, я должна спуститься к ним, – сокрушенно покачала головой Маренн. – Но я скоро вернусь. Дождись меня.

– Хорошо... мама.

Черный шелковый материал платья мадам зашуршал по ступеням лестницы.

12

– Ну и что я должна послушать?

– Мама, это невероятно! – Джилл возбужденно отпила из бокала глоток шампанского. – Я узнаю от них о войне такое, о чем раньше даже не подозревала!

– Например? – Маренн бросила настороженный взгляд на Йохена, но тот лишь невинно улыбнулся в ответ. – Они тебе сейчас понараскажут – только слушай! Просто нашли в твоём лице неопытную и благодарную слушательницу, Джилл, вот и усердствуют. Мне-то небось ничего нового не расскажут, поскольку я своими глазами войну видела.

– Мама, ты хочешь сказать, что они рассказывают мне небылицы? – округлила глаза Джилл. И тут же бросилась доказывать обратное: – Йохен, напомни, пожалуйста, как назывался тот город?!

– Мариуполь.

– Да, точно, спасибо, Йохен. Мама, послушай! Оказывается, во время наступления наших войск Йохен, Франц и их товарищи встретили у этого самого Мариуполя группу красных большевиков. Те, не обращая абсолютно никакого внимания на наши танки, тащили мешки с деньгами из кассы местного завода. Ну разве не смешно, мама?! Ведь ясно же, что после войны эти деньги обесценятся, превратятся в обыкновенные бумажки! Например, если бы победили мы, то в ходу были бы рейхсмарки. А если русские, как, впрочем, и произошло, то все равно их власти провели бы реформу! Йохен сказал, что на их вопрос, куда и зачем они столько денег тащат, никто из русских ответить так и не смог. Мама, а ты как думаешь – куда и зачем они мешки с деньгами тащили?

– Ну, попробую предположить, – еле сдерживая смех, Маренн с серьезным видом облокотилась на крышку рояля. – Бумажными купюрами можно, например, обклеить стенки туалета. Поскольку туалеты у русских обычно деревянные и расположены на улице, в щели сильно дует. Еще, если я правильно помню, на каждой советской купюре изображен портрет Ленина. Вот и представь, как приятно, когда в самый ответственный момент на тебя со всех сторон взирает вождь. С другой стороны, как его рассмотришь, – она нарочито сконфуженно развела руками, – если в русских туалетах нет электричества?!

Йохен и Франц, опустив головы на руки, уже чуть ли не задыхались от смеха.

– А ты тоже отличная рассказчица, Ким, – отсмеялся первым Йохен.

– Увольте, друзья, – улыбнулась Маренн, – я могу в красках пересказать лишь то, что видела собственными глазами.

– Мама, – Джилл тоже смахнула слезы, выступившие на ее глазах от смеха, – а я сейчас вспомнила рассказ Штефана! Когда в сорок втором – помнишь? – он приезжал в отпуск, то поведал мне такую историю... Попробую воспроизвести наш с ним разговор дословно. В общем, он говорит мне: представь, что бегут четверо. Я спрашиваю: кто бежит и куда? Он отвечает: большевики, разумеется, кто ж еще? И продолжает: а мы с ребятами едем в танке, видим их и ничего не понимаем. Ну почему двое бегут с винтовками, а двое – вообще без оружия? Я Штефану тогда не поверила, но он мне объяснил. Оказывается, у русских расчет такой: когда тех, кто с винтовками, убьют, двое других их винтовки подхватят. Я, помню, спросила тогда Штефана: а что, у русских на всех солдат винтовок не хватает, что ли? Он пожал плечами и сказал: наверное, не хватает. И добавил: хотя, скорее всего, это просто экономия. Человека убьют – не жалко, а винтовки денежных расходов требуют...

– На самом деле, это очень грустная история, Джилл, – сокрушенно покачала головой Маренн. – Ведь она говорит лишь о непростительном цинизме русских командиров, которые заранее просчитали, что половину их соотечественников убьют, и легко смирились с этим. А

на сэкономленные от покупки оружия деньги хотели, наверное, закупить в Америке тушенку, чтобы накормить тех, кто выживет...

– Азиаты... – улыбка медленно сползла с лица Джилл. – Я читала о византийцах, у которых русские переняли очень многое, и о татарах, под игом которых они долго находились. Вот и впитали от тех и других изощренную жестокость и истинно азиатское коварство. Нет, все-таки мы, потомки римлян, намного честнее! Мы – вечные солдаты, открыто вступающие в бой. Да и вся наша культура открытая и честная, тогда как у русских всё всегда исподтишка. Всё с подковыркой да длинными окольными путями. А человеческая жизнь для них ничего не стоит. Да и никогда, пожалуй, не стоила. Страна большевиков построена на костях...

На лестнице послышались шаги, и Маренн предупредительно приложила палец к губам: к ним спускалась Наталья.

– В итоге мы с Натали разобрались с этими пресловутыми квартирными счетами, – сказала она при ее появлении, словно продолжая давно начатый разговор. И повернулась к Джилл: – Как только Клаус позвонит, обязательно передай ему, что он мне нужен. Срочно.

– Хорошо, мама. Передам.

– А сколько, кстати, в этих счетах накопилось? – поинтересовался Йохен, стряхивая в пепельницу сигаретный пепел. – Наш Франц, похоже, разучился и читать, и считать. Хотя число большевистских танков, как мне помнится, он подсчитывал быстрее всех и вроде даже ни разу не ошибся. Впрочем, вру: у него и тогда случались трудности с математикой. Правда ведь, Франц? – Шлетт лишь нервно дернул плечом, уткнувшись в вовремя схваченную со стола газету. – Франц, ты меня слышишь? – не отставал Йохен. – Помнишь свой доклад под Курском, когда русские двинулись на Прохоровку? «Йохен, я вижу пятнадцать... нет, тридцать... нет, сорок танков! Черт, похоже, я сбился со счета!..» – Мастерски скопировал он голос Шлетта.

– Это не оттого, что я считать не умею, – буркнул, вынужденно оторвавшись от газеты, Франц. И простодушно признался: – Просто тогда меня страшно удивило, зачем русские лезут со своими сорока танками на собственный противотанковый ров, который мы у них только что отбили?! Ну сами посудите: раз они его копали, значит, знают, что он там есть! Так нет, они еще и пехотинцев на броню понасажали!.. Вот мы их и покрошили своей артиллерией, пока они в этом рву ковырялись. На том, кстати, их атака и закончилась. Просто мне никогда не понять подобной стратегии. Только людей зазря положили...

Понимая, что хотя Натали и не меньше других осознает тупость большевистского руководства, но что такие разговоры ей вряд ли придутся по душе, Маренн поспешила сменить тему и вернула разговор в прежнее русло:

– Квартирная хозяйка нашей Натали повысила арендную плату за жилье без предупреждения, да еще и задним числом. Я хочу попросить Клауса досконально изучить договор и выставить ей претензию. А Натали пока поживет с нами. Согласна? – она взглянула на Натали.

– Да, – кивнула та и опустилась в кресло (как заметила Маренн, подальше от Шлетта).

– Да как же она посмела так поступить? – возмущенно всплеснула руками Джилл. – И почему ты молчала, Натали? Я бы давно уже посоветовалась с юристом в нашем министерстве!

– Вот видишь, моя дорогая, – Маренн подошла к Натали, – нашелся еще один выход. Я же говорю: ты здесь не одна! Мы все хотим, чтобы тебе было хорошо с нами.

– Спасибо, я очень ценю это, мама, – Натали взяла руку Маренн и прислонилась к ней щекой. – Ближе вас с Джилл у меня никого нет.

– Женева уже приготовила кофе, – сказала Маренн, внимательно поглядев на Натали. – Пожалуй, я принесу его сама. Поможешь мне, Натали?

– Да, конечно, – охотно поднялась с кресла та.

– Можно и мне с вами, мама? – спросила Джилл.

– Нет, нет, дочка, ты останься здесь, – улыбнулась Маренн. – Иначе наши мужчины быстро заскучают. Мы скоро вернемся. Идем, Натали.

... На кухне Женестьева расставляла на подносе изящные чашки розового фарфора, красиво отделанные золотом.

– Позволь, я закончу здесь сама, Женестьева, – попросила Маренн. – А ты пока отдохни.

– Благодарю, мадам, – домоправительница исполнила реверанс и удалилась.

– Я хотела поговорить с тобой о Франце, – Маренн поставила перед Натали соковыжималку, а сама, взяв нож, принялась очищать от кожуры апельсина. – Мне показалось, ты сторишься его. Может, дело не только в неоплаченных счетах? Он был с тобой груб? Чем-то тебя обидел? Доверься мне, дочка, возможно, я смогу помочь тебе хотя бы советом.

– Мне трудно с ним, мама, – призналась Наталья. Взяв у Маренн очищенный апельсин, она отправила его в соковыжималку и нажала кнопку. Кухонный агрегат чуть слышно заурчал, и колба стала наполняться ярко-оранжевым соком. – Мы с Францем совершенно разные люди. Мы не понимаем друг друга. Те, кто во время минувшей войны были на поле боя врагами, не могут стать близкими друзьями и тем более любовниками. Я так думаю. Тебе, возможно, это не совсем понятно, мама, ведь вы с Йохеном, как и Пауль с Джилл, находились в одной команде. А я? Как старший лейтенант Красной армии я воевала на другой стороне, и от этого никуда не деться. Мы с Францем по-прежнему остаемся врагами, хотим того или нет.

– Врагами?! Это еще что за фантазии? – от неожиданности Маренн даже отложила недоочищенный апельсин в сторону. – Я вижу, ты чего-то не договариваешь, дитя мое.

– На днях к Францу приезжал бывший командир дивизии «Гитлерюгенд»...

– Мейер? Он сказал тебе что-то обидное? – насторожилась Маренн. – Просто я знаю, сколь остер он на язык.

– Сначала они обсуждали дела этой своей организации бывших эсэсовцев, а потом Франц сказал Мейеру, что я – бывший офицер Красной армии. И тот... Ну вы ведь и сами знаете, что они говорят обычно в таких случаях... – Наталья низко опустила голову. – Я для них чужая, мама! Впрочем, как и они для меня...

– Зато ты своя для нас с Джилл, и этого пока достаточно, – Маренн обняла Наталью за плечи, привлекла к себе. – А быть своей для всех остальных совсем не обязательно. Особенно для Мейера. У него есть жена Кэти и четыре дочки, вот пусть с ними и занимается. Кстати, тот факт, что он не пропускает ни одной красивой женщины, известен не только мне, но и самой Кэти. Так что не стоит воспринимать слова Мейера буквально, Натали! Да и вообще не жди от этих мужчин слишком многого, ведь они всего лишь обычные солдаты. Не графы и не князья. С юных лет оказались на войне, воспитывались в сугубо мужской среде и мнением именно этой среды, своего так называемого «товарищества» дорожат до сих пор больше всего. Но поскольку зов природы никто не отменял, женщина в такой среде – очень сильный раздражитель. Отсюда и ревность, и конкуренция, и соперничество. Каждому обязательно надо показать себя со всех сторон, распушить перья, а распушить им есть что: все они – герои, почти все получили на войне те или иные ранения и вполне заслуженно награждены крестами. Конечно же, любой женщине будет с ними трудно. Если бы, живя в рейхе и служа главным хирургом рейхсфюрера, я слушала все, что обо мне там говорят, то давно бы с ума сошла. Представляешь, сколько раз обсудили мои фигуру и внешность во всех сорока дивизиях СС?! Но волею судеб я тоже оказалась на войне с юных лет, поэтому успела ко многому привыкнуть и закалиться. У меня разговор простой и короткий: осмотрела – следующий! В случае необходимости – на операцию. Я не слушаю, что обо мне вокруг говорят, не переживаю, если кому-то нравлюсь, а кому-то нет. Для меня главное – их рентгеновские снимки и анализы. Да еще кому какой наркоз дать. И я знаю наверняка, что первое агрессивное отторжение женщины, желание показать свое мужское превосходство – это все пена. Она быстро сходит, так что лучше вообще не обращать на нее внимание. А вот при втором и третьем общении все, как правило, бывает уже по-другому. Надеюсь, Франц сообщил Мейеру, что ты не большевичка? Что ты сама от большевиков пострадала? Антикommунизм в среде наших мужчин развит очень сильно, поэтому Мейера

следует просветить обязательно! Поскольку если он и проявил к тебе чувство враждебности, то исключительно из-за незнания полноты ситуации. А все остальное – от Адама и Евы. Мужская агрессия по отношению к женщине – всего лишь доказательство того, что она ему нравится. Тех, которые не нравятся, мужчины просто не замечают, как бы ни было обидно последним. Так что ты, напротив, можешь смело считать, что у тебя появился еще один поклонник. И он еще вернется, Натали, вот увидишь! – Маренн дочистила апельсин, сама положила его в соковыжималку и нажала кнопку. – А то, что он отпустил в твой адрес какую-то шпильку, это для него вроде спорта. Все равно как бросать под ноги солдатам своего отряда лимонки, чтобы те бежали быстрее и первыми захватили высоту. Чтобы отличиться и выделиться, словом. К тому же Мейер – бригадефюрер, для восемнадцатилетних мальчишек в «Гитлерюгенде» он был идиолом, они смотрели на него как на бога. И он привык к подобному отношению. Впрочем, они все привыкли: и Франц, и Йохен... Рейхсфюрер научил их чувствовать себя господами, хозяевами жизни, научил командовать и руководить другими, но при этом не щадить и себя. Ни плен, ни суды не сломили их, вот только проявить себя стало уже негде. В нынешней жизни их боевые качества оказались невостребованы. Потому они порой и срываются не по делу. Тем более что здесь, во Франции, вдобавок ко всему подвергаются гонениям либо неприкрытому презрению. Поверь, Натали: очень больно падать с тех заоблачных высот, на которые их вознес когда-то фюрер.

– Но что у них за новая организация, мама? – спросила, несколько успокоившись, Наталья. – Они создали новые СС?

– Тебя это не должно интересовать, моя дорогая, – покачала головой Маренн. – Это их дела, вот пусть они ими и занимаются. Главное, ты живешь здесь, во Франции, со мной и Джилл. Кстати, если у тебя что-то сложится с Францем, я буду настаивать, чтобы вы оба жили здесь с нами. В Германии тебе пока делать нечего, поскольку ты русская. А проблемы мужчин, связанные с созданием новой организации, лично мне понятны. Жизнь наступила хоть и мирная, но она с каждым днем непомерно дорожает. И поскольку многие бывшие солдаты и офицеры не смогли найти себе в ней достойного места, они вынуждены рассчитывать лишь на помощь боевых товарищей, ибо больше им надеяться не на кого. Необходимо добиваться увеличения пенсий для выживших в той войне и пособий для вдов и детей, оставшихся без кормильцев. Добавь сюда же ранения, которые с годами дают о себе знать все чаще и болезненнее, а лечение, как ты знаешь, отнюдь не дешевое. Ну и, конечно, нельзя сбрасывать со счетов сохранившийся в их сердцах и умах боевой дух. Посуди сама: как еще можно спастись от тоски по былым временам, если не собираться всем вместе хотя бы изредка в одной организации? Но тебя, повторяю, все это не должно волновать. Тебе хватает работы и в клинике, а ведь нужно еще и учиться, и набираться опыта, и строить – хочешь ты того или нет – личную жизнь. Даже если Франц и будет время от времени отлучаться на встречи с друзьями и соратниками, ничего от этого не изменится, поверь. Всё, увы, в прошлом: ваффен СС никто уже не вернет, все наши дивизии разгромлены, а наши знамена, как ты знаешь, лежат перед вашим Мавзолеем в Москве. Но надо продолжать жить, постараться приспособиться к новым условиям и законам мирной жизни. Трудно, я знаю, однако никуда от этого не деться. Кстати, – неожиданно резко сменила Маренн тему, – а тебе самой-то этот Мейер понравился?

– Что ты, мама?! – округлила глаза Наталья. – Он противный и... И вообще он воображала!

– Кто, Мейер? – рассмеялась Маренн. – Вот уж никогда не замечала за ним такого греха. Он простой парень, к тому же очень смешливый. Несмотря на напускную строгость, весьма демократичен в общении. Его подчиненные всегда были от него без ума. Однажды, представь, Мейер все свои генеральские нашивки и кресты на солдатский мундир повесил! Ну разве кто-нибудь из ваших генералов такое сделал бы? Нет, нет, Натали, ты не права насчет Мейера. Поверь мне, он намного проще, чем даже Йохен. Которого, кстати, моя подруга Лиза Аккер-

ман, я тебя знакомила с ней в прошлое Рождество, называет не иначе, как «задавакой». Знает, говорит, что красивый, вот и строит из себя принца. Ему, мол, только все самое особенное подавай, а не каких-то там Тось с Дусями. Любит, дескать, воображение окружающих будоражить и зависть к своей персоне вызывать. Впрочем, отчасти тут Лиза права: Йохену действительно нужна такая же «задавака», как он сам. Вроде меня, например. Я ведь тоже очень многим кажусь весьма сложной дамой со скверным характером. А Йохену как раз это и интересно. Мы с ним, как говорится, нашли друг друга. Между прочим, друг Лизы Генрих Мюллер считал меня женщиной довольно самокритичной, и это так и есть. Поэтому повторяю: Шлетт и Мейер намного проще, чем ты думаешь, Натали. С ними можно ладить.

– Сомневаюсь, – насупилась Наталья. – Этот Мейер сам рассказал мне, что где-то под Херсоном собственноручно расстрелял почти полдеревни жителей. Причем из-за того лишь, что кто-то случайно то ли покалечил, то ли убил его собаку. По-моему, он очень страшный человек, мама! Неужели его рассказ – правда?

– Может, и правда. Я там не присутствовала, поэтому засвидетельствовать не могу, – вздохнула Маренн. – Конечно, ему не следовало сообщать тебе такие подробности о себе, ибо никакого геройства в его поступке, если таковой действительно имел место быть, я не вижу. Поэтому осмелюсь предположить, что он солгал. Просто, как я уже говорила, распустил перья перед красивой женщиной. А с другой стороны, ты и сама была на той войне, и многое видела. К сожалению, понятия «можно-нельзя» и «хорошо-плохо» утрачивают на войне свое истинное значение, приобретают расплывчатые границы. Когда нервы накалены до предела, когда захлестывают эмоции, когда адреналин требует выхода, а вокруг полно оружия и ты чувствуешь себя всесильным и неуязвимым, далеко не каждый способен сохранить самообладание в той или иной ситуации. К тому же, если помнишь, чувства ненависти и жестокости намеренно культивировались пропагандой с обеих воюющих сторон. Поэтому совершенно не обязательно, что человек, совершивший нечто дурное и предосудительное на войне, является отпетым злодеем и в обычной жизни. Война – это вообще злейшее из зол. Только к чему нам сейчас ворошить прошлое? Я ведь тоже могу вспомнить бесчинства русских солдат в Берлине. Впрочем, ты и сама там была в сорок пятом...

– И все помню... – Наталья в ужасе прикрыла глаза ладонями. – Это было отвратительно, мама! А ведь многие наши женщины сами поощряли солдат, чтобы те насильовали немок! Но в том доме, где остановились мы, никого и пальцем не тронули. К нам даже женщины из соседних домов прибегали, прятались в подвале у нашей хозяйки. И тот майор, гауптман, которого ты спасла, очень жестко относился к подобным вещам. Он и на фронте безобразий не позволял, а уж в Берлине тем более. Харламыш опять же хоть пожилой да хлипкий, а тоже запросто по шее мог дать за nepотpeбствo. Но таких как они было мало, к сожалению... Между прочим, однажды я даже сама не выдержала: взяла автомат и собралась идти в дом напротив, чтобы разом там весь бедлам прекратить. Но меня Иванцов удержал. Сказал: никто не посмотрит, что ты старший лейтенант, и саму изнасилуют. А виновных, мол, потом ищи-свищи. Сидите, сказал, при мне вместе со снайпером Прохоровой и никуда не рыпайтесь. Так вот и жили – ни шагу без мужского сопровождения. Мне если куда надо было пойти, так Иванцов ко мне Харламышча с автоматом приставлял, иначе никак. Повезло мне, в общем, с майором, заботливый был, – она ностальгически улыбнулась. – Возможно, только благодаря ему я на войне и выжила...

– Давно хотела спросить тебя, Натали, а в каком именно доме в Берлине вы жили?

– На Вильгельмштрассе, на углу. Большой серый дом.

– Помню, – грустно вздохнула Маренн. – Там раньше внизу очень уютное кафе было. Джилл ездила туда обедать с Ральфом. И с подружками своими там же встречалась.

– Мне иногда становится страшно, мама. Я смотрю вокруг и не верю, что все это со мной происходит.

– Но ведь здесь не страшнее, чем было там? – мягко улыбнулась Маренн.

– Нет, не страшнее.

– Просто это твоя судьба, моя дорогая, – Маренн снова привлекла Наталью к себе, поцеловала в лоб. – И не самая худшая, как выясняется. Все могло сложиться гораздо печальнее. Ты знаешь, Натали, когда-то очень давно, – она снова вздохнула, – один священник в соборе Нотр-Дам сказал мне, что если у человека есть Судьба, она никогда не будет легкой. Судьба, по его словам, это состояние постоянной борьбы, когда приходится плыть не по течению, а против него. И жизнь уже доказала мне, что тот священник был прав. В небеса ведет узкая дорога, и твоя судьба, Натали тоже следует по этой дороге. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Когда-то я тоже очень долго шла своей дорогой одна, но накануне краха всего, что меня окружало, оказавшись практически на грани отчаяния, я встретила свое спасение – Йохена. Мы оба выдержали испытание многолетней разлукой. Тебе, девочка моя, предстоит пройти по такой же дороге. Широкие дороги ведут, как правило, к искушениям и, как следствие, к бедам. Только узкие дороги бывают правильными, хотя и заставляют преодолевать много трудностей. Так что верь мне: вот как я встретила человека, вернувшего мне радость жизни и веру в будущее, так и ты рано или поздно встретишь того, кто протянет тебе надежную руку. А может, уже и встретила, только пока не осознаешь этого... Однако мы, кажется, заболтались тут с тобой не на шутку, – встрепенулась вдруг она, – пора возвращаться к честной компании. Отнеси пока, пожалуйста, чашки, – Маренн подвинула к Натали поднос, – а я сейчас закончу с соком и принесу кофе.

– Хорошо, мама, – послушно взяла поднос Наталья.

– И прошу тебя, девочка моя, – Маренн ласково убрала волосы с ее лица, – улыбайся почаще! Все, забудь о прошлом! Война закончилась, и надо думать только о будущем! Ты же у меня молодая, красивая, многое умеешь, прекрасно играешь на рояле, у тебя очень приятный мелодичный смех. Не хорони себя заживо!

– Хорошо, мама, – повторила, смутившись, Наталья и быстро вышла из кухни.

...Едва Маренн успела слить сок в хрустальный графин и насыпать кофе в кофеварку, как сзади неслышно подкрался Йохен и положил руки ей на талию.

– А я тут кое-что подслушал, – признался он тоном мальчишки-проказника, развернув ее лицом к себе. – Ты действительно считаешь меня «задавакой», а?

– Если подслушивал, – улыбнулась Маренн, – то должен знать, что «задавакой» тебя считает Лиза Аккерман.

– Ха, много твоя Лиза понимает в мужчинах!

– О, она понимает многое, – Маренн прислонилась лбом к щеке Йохена, – она ведь у нас литератор! Не зря же листовки с текстами Лизы зачитывали, как ты знаешь, во всех наших дивизиях! Геббельс, правда, называл ее иногда тупицей, но, думаю, это он так, для красного словца. Все равно ведь лучше Лизы речи для него никто не писал.

– Ты сказала им о Штефане? – резко сменил тему беседы Йохен, понизив голос.

– Нет еще. Да и когда? Мне, как обычно, и о себе-то слова некогда вымолвить, я ведь только и делаю, что о чьих-то делах думаю. А с наскока такое не сообщишь...

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Не хуже обычного.

– А тебе обязательно ехать на этот Западный берег реки Иордан? – он чуть отстранил ее, чтобы заглянуть прямо в глаза. – Можно подумать, без тебя там не обойдутся! Тем более ты обещала мне никуда больше не ездить. А там опасно. Почти как в Берлине в сорок пятом.

– Прости, Йохен, но после всего того, что сделал для меня Уинстон, я не могу бросить Клемми одну, – виновато вздохнула Маренн. – Кстати, она все знает и очень рада за меня. И, между прочим, тоже уговаривает остаться. Но я-то понимаю, как сложно ей будет найти такого же специалиста, как я! Вместо одной меня Клемми придется везти с собой двух-трех врачей, а это лишние расходы. К тому же, сам понимаешь, не всякий захочет стать волонтером в таком деле. Но ты не волнуйся: мы договорились с ней, что я буду только принимать больных

в охраняемом госпитале, а она – ездить вместо меня на джипе по всем закоулкам и барханам. Ничего со мной, я уверена, не случится.

– Если, конечно, израильская ракета «случайно» не угодит в твой госпиталь.

– Там сейчас перемирие...

– До первой провокации, поверь мне... – И снова с надеждой: – Может, все-таки передумаешь и останешься дома?

– Не могу, Йохен, – грустная улыбка в ответ. – Когда-то, давным-давно, еще по молодости, я взвалила на себя слишком много общественных обязанностей и всю жизнь тащила их на своих плечах не за страх, а за совесть. А теперь они тащат меня за собой. Так бывает, увы.

– Ты упрямица.

– Раньше не знал?

– Знал. И не только я. – Йохен сдвинул левый рукав платья Маренн вместе с бретелькой бюстгалтера, обнажив ее плечо, провел пальцами по нежной бархатистой коже, опустил руку ниже, остановился на выступающей из декольте груди. – Пойдем в спальню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.